

В НОМЕРЕ:

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА:
ЭКОНОМИКА, МОЛОДЕЖЬ, ПРОГРЕСС

Жди нас, Луна!

О ПОЭТЕ-АВТОРЕ «ГРЕНАДЫ»

№ 6 (93)

МАРТ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

АТТЕСТАТ
СТРОИТЕЛЯ КОМУНИЗМА

Люди идут на работу — к станку, к домне, на стройку. Изю дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Время невидимым мастерком пригоняет неделю к неделе. Оглянешься — позади города. Ведь только после 1926 года родились они [а будто век стоят!] — Караганда, Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, Ангарск, Игарка, Братск... Больше 600 городов! Вот так, значит, подвигаются дела... А «подвигаться» и «подвиг» — слова не одного ли корня!

Мир перекоен, он как бы сотворен работой человека вновь. Нефтяные фонтаны в Каракумах. Стальные швы железнодорожных магистралей, соединяющих Урал с Сибирью. Суда на Волго-Балте...

Фото В. САЙКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок третий
Выходит два раза в месяц

6 (932) **МАРТ 1966**

Директор
Ростовского
судоремонтного
завода
«Красный моряк»
Владимир
НИКОЛЬСКИЙ

ЭКОНОМИКА. МОЛОДЕЖЬ. ПРОГРЕСС.

Для нас давно уже не редкость двадцативосьмилетний ученый с мировым именем, руководитель крупной лаборатории, тридцатилетний директор предприятия, тридцатидвух-тридцатитрехлетний секретарь обкома или руководитель крупного треста.

Вместе с опытными руководителями промышленности молодежь берет на свои плечи решение множества проблем, связанных с переводом огромной машины нашего хозяйства на новые принципы работы.

Сегодня разговоры о проекте Директив XXIII съезда КПСС вспыхивают везде: в поездах, на строительных площадках, в студенческих общениках, в кабинетах начальников главков и совхозных конторах. На страницах газет и журналов рабочие, экономисты, ученые, руководители крупнейших предприятий — люди с большим стажем и громадным жизненным опытом — делятся своими надеждами и мыслями. А что думают в преддверии XXIII съезда партии молодые представители руководящих кадров хозяйства страны!

— Владимир Николаевич, ваш завод успешно справился с заданиями прошлого года и семидесяти в целом. Что для вас лучшие годы заводу и лично вам!

— Каждую зиму у нас на стапелях застывает «Альфа» — парусник, на котором проходят первую морскую практику курсанты Ростовского мореходного училища. Перед тем как стать на казачий мостик современного судна, оснащенного сложной техникой, каждый из выпускников училища должен научиться вязать узлы, ставить паруса, проверить себя в столкновениях с необузданностью морской стихии. Минувшие семь лет лично для меня были временем тихого воя «сморчавивания» в плавание по хозяйственным сферам, которые тают не меньше, пожалуй, неожиданно, опасностей и подводных камней, чем морские пути. Не в институте, а уже здесь, на производстве, приходилось осваивать азы хозяйствования: систему экономики и бухгалтерского учета, систему банковских операций, снабжения и многое другое. Подобное «сморчавивание» прошли все мои сверстники: они знают, что за ошибки нам приходилось расплачиваться не легче, чем неопытному матросу: строгие выговоры иной раз куда неприятнее купания в морской ледяной воде! А умение маневрировать в сложнейших условиях! Послушайте рассказы опытных хозяйственников, когда они собираются в своем кругу, — это повесть самых невероятных историй, которые «трагивают» на баке в свободные от вахты часы.

Но корабли движется, несмотря на промахи и ошибки. Двигается и жизнь предприятий, нашего в том числе. Ведь логика жизни такова, что от каждого человека берется в общее дело его умение, малое или большое, его искусство, а ошибки и промахи компенсируются опытом других.

Годы семилетки принесли нашему заводу очень много. Чтобы не затруднять вас цифрами и подробным перечислением, скажу лишь, что объем производства вырос в несколько раз, улучшено качество работ. По проекту новых конструкций причалов, и от нее мы немало ждем.

— Как вы оцениваете перспективы завода в условиях новых принципов работы, предложенных сентябрьским пленумом?

— По-моему, не совсем правильно называть эти принципы новыми. Идеи вообще, а тем более идеи, относящиеся к системе производства и плани-

Владимиру Николаевичу Морозову 83 года. 11 лет назад он окончил Одесский институт инженеров морского флота, прошел путь от рядового инженера до директора одного из ведущих заводов системы Министерства морского флота. Около трех лет Владимир руководит Ростовским судоремонтным заводом «Красный морск».

ровани, не рождаются на голом месте. Отвечаясь на рас, что продолжения сентябрьского Пленума подготовлены всем ходом развития экономики, техники и производственных отношений в стране. Может быть, трудно было мне лично предсказать три или четыре года назад, что за решения примет этот Пленум, но необходимость перемен ощущалась уже и тогда.

И сужу по своему личному опыту. Мне бросился в глаза еще в самом начале работы любопытная деталь: лучше работают предприятия, тем у его руководителя больше выговоров, и строгих, и даже «засеянием». Парадоксально, но факт. Есть такое определение директора завода — «крякший мужжик». Это руководитель, который идет на конфликт со своим начальством, чтобы сохранить и укрепить дееспособность предприятия. Теперь-то все мы можем объяснить причину этого тем, что директор всегда лучше знает свои «болячки», и директант смотрит далеко, но не всегда учитывает специфику его работы. Но приказ есть приказ, его нужно выполнять, какой бы мелочю он ни казался. Вот и подставлял «крякший мужжик» свои крякший затылок.

Помните, как в фильме «Трест» директор завода — это и производств, это же хозяйское ремесло и привело иначе к созданию нового статуса социалистического предприятия с расширением прав директора и с уменьшением планируемых показателей, с особым упором на рентабельность.

Наш завод не исключение. Ориентировка на рентабельность велась и прежде, поэтому планируемый переход к новой системе нас не застанет врасплох. Мы и сейчас даем государству прибыль, она увеличивается за счет роста производительности труда и объема производства, которую принесет реконструкция причала и некоторых других частей нашего производства.

— Есть ли резервы увеличения прибыли, которые вы не имеете возможности использовать сегодня, в условиях современной системы?

— Да. Вот самое большое. Наш завод находится на левом берегу Дона, связь с городом неважная, а почти все наши рабочие живут там. Поэтому им вынуждены работать только одну смену. При новом порядке мы получим возможность построить общежитие непосредственно рядом с заводом. Расходы окажутся очень быстро, так как все наше оборудование будет работать не семь-восемь, а в идеальном варианте и все двадцать четыре часа в сутки. Спросите у нашего главузба, он скажет, что даст такой рост объема производства, причем без дополнительных затрат на основные средства.

— Мне приходилось слышать предложение, что расширение прав директора завода и отступление такого показателя, как штат, дадут в руки новым директорам сличком острый оружие против «врутки» и свой адрес. Считаете ли вы эту опасность реальной?

— Нет. Наши директора не хозяйки. Многие из них прошли школу комсомольской, партийной работы, просто активной общественной деятельности, и полагаю, нет основания сомневаться в их политической зрелости. Если же и найдется такой, и ему не замедлю, потому что сведением нового статуса социализма прежде всего большую силу получает сам коллектив предприятия, каждый член которого непосредственно будет заинтересован в хорошей работе завода или фабрики, то есть в работе прибыльной, рентабельной. И сегодня-то любители «пообрести выхажу» долго не держатся, потому же будут держаться еще меньше, потому что коллектив никогда не уступит человека, борющегося за улучшение работы предприятия, за прогресс, против пассивности или пассивно-

сти начальства, а ведь огонь критики устремлен почти всегда именно по этим делам. Повышение материальной заинтересованности непременно приводит, не может не привести к положительной оценке коллективизма, к повышению общественной активности.

— Перестройка подвергнется не только хозяйственным отделам заводов, но и, видимо, несколько изменится специфика деятельности общественных организаций, в частности комсомольской. Общом комсомольца рекомендовал нас как человека, знающего комсомольскую работу, помогающего комсомолу и сейчас. Как вы оцениваете роль комсомолы в новых условиях?

— Сейчас трудно определять все аспекты комсомольской работы, так же как и других общественных институтов. Пова ясно одно: роль комсомола, его права расширяется, возрастает активность, и это непременно вызовет качественный скачок. На мой взгляд, изменятся прежде всего те участки работы, которые связаны с существующей нашей системой планирования и его пропаганды. Сейчас эти формы работы наиболее формальны, ритуализованы, разбиваются порой о нежелание работников выдвигать производственные резервы, чтобы не увеличилась норма, перешел омыт иногда внедряется чуть ли не силой. Безусловно, что в будущем комсомольскому секретариату не придется выступать в роли проксиала или начальника. Работа комсомолы непременно сместит свой центр тяжести — в работу производства, в глубь завода. Особное место займет работа с твор-

ческой молодежью — инженерами, конструкторами, так как их роль значительно повышается и возрастает в каждом из них общественной активности, умения работать с людьми становится одним из важнейших участков деятельности комсомола. Эту работу нужно начинать уже сейчас, так как нынешнее время — это время подготовки к переходу на реалы НСХ новой экономической системы. Рядом подготавливается производственная, экономическая, но не менее — моральная.

— Что, на ваш взгляд, может затормозить этот процесс?

— Прежде всего — плохая звуковая подготовка кадров администрации работников. До недавнего времени слово «администратор» считалось чуть ли не ругательным. Особенно эти настроения распространены среди молодежи спинартов, пришедшей в цех, — это гораздо больше инженер-организатор, администратор, чем инженер-конструктор или инженер-исследователь. На мой взгляд, существующее разделение на инженеров-конструкторов и инженеров-администраторов со временем усилится, и пора уже подумать об институтской специализации будущих инженеров, вместо того чтобы переделывать это очень важное дело стихии производства: сличком много прироста да и много конструкторов терпят квалификацию в цехах, и столь же много администраторов по приросту и в них — тянут скучную лягушку в размышлении КБ. Трудно сказать, какими путями может пойти эта специализация, но совершенно ясно, что развитие способностей, привязки знания к той или иной форме производственной деятельности, подготовка кадров должны вестись с институтомской склякой, с первых уже курсов.

Второе обстоятельство, которое беспокоит меня — недостаточная формация о работе предприятий, производящих новые эксперимент. Как правило, распространены только хороший опыт и зачастую умалчиваются ошибки. Это совершенно неправильно и вредно. Во вся, буквально весь опыт должен стать достоянием самой широкой инженерной общественности, чтобы мы уже сегодня могли анализировать ошибки, дабы не повторить их в будущем.

— Будут ли у новой системы противники в среде руководителей предприятий?

— Обязательно, хотя преимущественно в «голом» смысле, ввиду присутствия «стухоту» или слухера — парусником или, например, «Альфа», о которой я уже говорил. Представьте себе, что сегодня весь наш флот состоит из парусников и все это по переходу на дизель. Все ли капитаны этих судов выйдут восторженными? Да потому, что управление новым судном сложнее, ивдательнее, требует творческого напряжения, постоянного пополнения знаний, раздумий, а не окриков типа «Сивить все наверх: аврал!».

— Придет ли коллектив вашего завода к перестройке достаточно подготовленным?

— Да.

— А лично вы?

— Хочется верить, что да.

— Как вы оцениваете нынешнюю роль вашего производственного руководителя в работе министерства или управления, и как она изменится в будущем?

— Думаю, что об этом вам гораздо лучше расскажет их сам.

Главный инженер
главка
Министерства
химического
и нефтяного
машиностроения СССР
Владимир
ПАВЛОВ

Желтый трехэтажный особняк Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР. Комната № 215. Мы уже знакомы знаком с заместителем начальника и главным инженером управления нефтепромышленного машиностроения В. И. Павловым, которому принадлежит этот кабинет.

— Значит, в чем еще раз вращаете тему нашей беседы?

— Планирование и управление отраслью народного хозяйства. Проблема управления во временном разрезе: вчера — сегодня — завтра.

— Вопросы актуальные. Ими, что называется, сейчас живем. Мне, в частности, говорить об этом интересно потому, что все основные годы моей работы, когда профессионально окреп — семилетка. Собственно, семилетка — главная жизненная школа, которую прошел воле института...

На предприятии работая девять лет; инженером технического отдела, технологом цеха, главным технологом завода, главным инженером... В институте руководил лабораторией технологических процессов, потом — техническим отделом. Там являлся тоже диссертацией, но пришлось отложить. Тема, правда,

меня мучает и по сей день — вот разберусь здесь и через полвека дойдет обаятельно продолжу. Могут назвать тему: «Интеграция процессов по долам» — есть в буровом деле такой «инструментик...». Тем более, что профиль моей инженерной работы далеко не отвлечает: проблемы техники — моя стихия и епархия. Собственно, на другую работу я не дал бы согласия ни при переводе в министерство. Привлекло то, что, не отрываясь от творческих инженерных дел, надо заниматься организацией правильного технического направления нефтяной индустрии, внедрением в жизнь, в производство единой технической политики. Теперь, после речевой сентябрьской Пленума ЦК партии, перспективы колоссальные.

Если в прежние времена руководителем должен был пробивать дорогу новому в технической оснащенности предприятия ВОПРОСИМ многому в сложившихся порядках, то теперь совсем другое. Сейчас само время диктует: винить в том же направлении, которые дают тебе в руки решения Пленума, узнаешь их и действую...

Вот возмните нашу систему. Я четко вижу последний период — совнархозский. Не раз как полномочный представитель завода или института ездил в Москву. Тогда был комитет, на базе которого образовалось наше нынешнее министерство. Предприятие имело двух хозяев, и первый — совнархоз. Функции комитета были ограниченны. Он мог рекомендовать — и только. Совнархоз имел право навалать заводу выпуск изделий вопреки профилю, а порой и возможностей предприятия. Это позволяло делать старая система планирования, когда опекуноста, командование по мелочам было характерно.

Привлекаясь в комитет — помню, руководил я тогда технологическим институтом, — предлагался тематический план, знача, что предприятия

будут входить в специализацию. Комитет дает согласие. Привлекаясь на завод заключить договор на проведение технологических работ. Директор в ответ: что скажет совнархоз? А там считали, что специализация завода на каких-то основных видах изделий, характерных для него, ограничит возможности разных поправок к плану по номенклатуре, и при осуществлении специализации ставили дополнительные задачи, что мешало в работе. Поскольку в вопросах финансирования завод зависел от совнархоза, часто вопреки своим главным экономическим интересам — выгоде, приблуды — вопреки здравому смыслу с точки зрения технического прогресса директор отказывался от рекомендаций института и комитета.

— Каково положение дел сейчас? Что принципиально новое внесено в жизнь предприятия министерство, в частности, ваш главок?

— К этому и подхожу. Я с оптимизмом отношусь ко все работе министерства, так как четко вижу разницу.

Судите сами. В нашем главке немало заводов. Три из них завладела изготовлением фонтанной аппаратуры высокого и сверхвысокого давления.

В номенклатуре явное дублирование. Главк рассмотрел исторические потребности в продукции и пришел к выводу: каждый из трех заводов должен выпускать аппаратуру только одного вида. Один — в 126 рабочих атмосфер, второй — в 320, третий — в 500—1 000.

Что это дает? Специализация заводов позволяет формировать их в современные, ориентированные по последнему слову науки предприятия. Можно начинать внедрять поточные линии, разрабатывать технологию высокоавтоматизированного производства.

Министерство выступает, если хо-

тите, как организатор, как инструктор по производительности труда, по величине экономики и рентабельности работ, то есть выполняет свою генеральную задачу — дает комисс, определяет техническую политику, и при таком положении нет и не будет нужды держать директора завода по мелочам. Есть несколько обязательных показателей — есть курс на технический прогресс, помогающий добиваться рентабельности, а остальное — дело собственной инициативы директора, его умения опереться на коллектив...

— То, что мы рассуждали, убедительно. Но, видимо, проблема «Технический прогресс и управление» имеет множество аспектов?

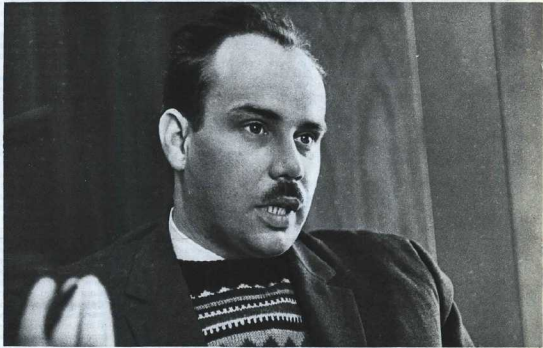
— Появилась. Вот еще пример. Существуют заводы, выпускающие оборудование для бурения и на нефть, и на газ, и на твердые ископаемые (руды). Скажем, Министерство геологии отладило свой ряд, нефтяники — свой и так далее. Мы сейчас на свои совлодах хотим поставить дело так, чтобы привести широкую унификацию оборудования, выпускать изделия универсальные, которые годятся для использования при бурении нефтяных, газовых и рудных месторождений. Универсализм оборудования, агрегатирование — вещь чрезвычайно заманчивая. В крайнем случае где-то узел изменил — вот тебе нефть, а вот руда или газ... Исполнять где хочешь.

Все дело, повторяю, в продуманном, тщательно осуществлении единой технической политики, а у министерства сейчас все карты в руках. И мы не собираемся замыкаться в рамках своей отрасли, жизни связи с другими министерствами будут крепнуть, иначе и нельзя. Предприятия различных систем также не должны порываться своей, извлеченных в недавний период (совнархоз) дали нам в наследство и по-

Заместитель директора
Центрального
экономико-
математического
института АН СССР
Юрий
ОЛЕЙНИК

Накануне съезда партии мы поговорили
Юрия Александровича по поводу
нынешней читательской с некоторыми проблемами,
над которыми работает ЦЭМИ

Было время, когда я, как математик, был полностью поглощен сложнейшими комбинаторными задачами — любил «твердые» математические задачи. Теперь для меня это помыли, расхожу. Решение отдельной, даже очень сложной математической задачи подчас не представляло довольно простую на первый взгляд задачу экономическую. Конечно, исход от этого, противники математизации утверждали, что математика — лишь прислужница в смысле тонких экономических наук. Экономика — действительно чрезвычайно сложный объект исследования, поддающийся полной формализации. Но нельзя же всевозможные отрицать, что благодаря математическим методам экономика становится подинно научной.

Юрий Александрович Олейник закончил Московский университет восемь лет назад. В Вычислительном центре Академии наук СССР одаренный молодой ученый увлекся экономическими проблемами и возглавлял новорожденный отдел математической экономики, отпавший в то время новой и перспективной. В 1963 году, когда был организован ЦЭМИ, Юрий Александрович, тогда еще комсомолец, стал заместителем директора этого института — академиком Н. П. Фоминцев. Математик по образованию, Олейник — уважаемый авторитет среди экономистов: конгломерат наук, еще недавно казавшийся многим искусственным, теперь признан всемирно.

жительные моменты). Кстати, вспомогательные деки литья, штамповки, металлоконструкции и другие и впрямь должны облагачивать работу заводов разных министерств.

— Владимир Иванович, как мыслится переход на работу по-новому?

— Перевод предприятий нашей системы будет постепенно осуществляться в 1966—1967 годах. В настоящее время эту работу на заводе «Красный молот» в Уфе.

Но уже сейчас к перестройке очень энергично готовятся люди. И именно в виду меняющейся складывается руководители многих предприятий.

Раньше, допустим, когда распределяли средства на год, директор, который потозелел, требовал немалых денег: «Я строю то, я строю это». А теперь действуют осторожней, осмотрительней.

Высвять, предлагают: «Деньги берите. А директор не трогайте!» И реконструкцией на существующих площадях обойдутся пока. Люди понимают, что чем больше найдется средств без достаточных оснований равномернее возрос строительство, тем ниже будет фондодача, на каждый вложенный в кирпич рубль доход может охватить весьма низкий. Словом, заведуют, размышляют, считают. Времени бездумных решений безнадежно проходит. Как правило, предприятия ведут повзвешивание преимуществ по таким показателям, как объем реализованной продукции, прибыль...

— Над чем работаете сейчас? Какие узловые вопросы решаете?

— Да. Определяется потребность в оборудовании, нужном в связи с возрастающими темпами добычи нефти: ведь сейчас добывалась нефть в Тюменской, сейчас... И еще: работаем над вопросами повышения

качества оборудования. Составили карты технического уровня и смотрим: где отстаем от мировых стандартов, там начинаем модернизацию, усовершенствование и для возможной замены узлов и агрегатов. Это вопросы нашего пятилетнего плана...

— Вы сказали о тюменской нефти. Один из корреспондентов «Смены» в прошлом году шел из Тюмени через тайгу с колесной машиной. Везли в Сургут оборудование для нефтяников. С транспортной было очень трудно. Сибиряки много говорили об оборудовании «в северном исполнении». Есть ли уже такое?

— Проблема известная и назоблажена. В Сибирь транспортники — главная беда пока. «Северное исполнение» — это «блочное исполнение».

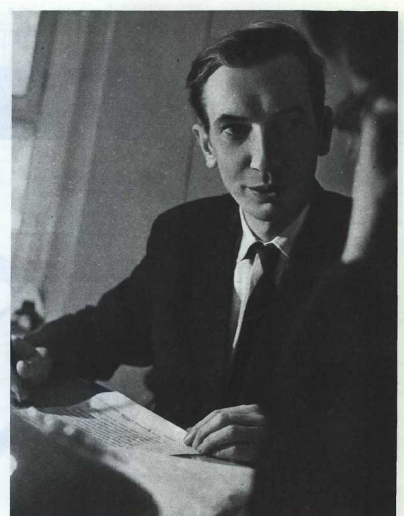
Наши институты запрограммировали опытные образцы буровых установок в блоках. Ведь ясно, что машину в 100 тонн очень трудно доставить в тот же Сургут. Поэтому установка «рабатывается» на блоках, нес их сравнительно невелики — применяемый для транспортировки в условиях Сибири. Это и есть «северное исполнение». Первые образцы уже выполнены в металле и доставлены к месту назначения.

В будущем для тюмцев станем готовить оборудование, которое можно будет доставлять десмонти на какне болота, самолетами вертолетами...

Наша беседа прервана приходом к В. И. Павлову директора Верхне-Сергуского завода на Урале.

В эти дни в министерство часто приезжает директор предприятия, где создана школа «Организация работы по новой экономической системе».

Рабочий день в министерстве продолжается...

Владимир Иванович Павлов — уроженец Баку, в Москве новичок, работает в министерстве не более трех месяцев.

Ему 33 года. В 1954 году окончил индустриальный вуз. Потом завод, научно-исследовательский институт и вот теперь — министерство.

Раньше экономисты, не располагавшие современным математическим аппаратом, рассматривали каждую хозяйственную проблему как нечто самостоятельное, изолированное. Отдельно — ценообразование, отдельно — планирование в натуральных показателях. Даже такой принципиальный вопрос, как выбор наилучшего соотношения между группами А и В, решался в отрыве от всех других проблем. Получалась сумма согласованных, но дававшая почти никаких результатов. А между тем закономерности, управляющие целым — хозяйством страны, — настолько прямо противоположны тем, к которым приходят экономисты, анализируя разрозненные частности. Поэтому когда в теории и в быту орудием экономического масштаба серьезно рассматривается основное вопросы нашей экономики, такое положение недопустимо. Никакого voluntarизма и администрирования науки об управлении быть не должно. Пора создать научную систему хозяйствования, которая откроет наконец широкую дорогу действенно экономическим законам социализма.

Наши институты сейчас работают над созданием теоретических основ единой системы оптимального управления и планирования, которая позволит любому экономическому объекту работать в самых благоприятных условиях. То, что выгодно государству, должно быть выгодно и каждому, даже самому маленькому звену хозяйства.

В последние время много говорят об оптимальном планировании. Но часто под этим имеют в виду совершенно разные вещи. Оптимальный план — самый лучший из всех возможных. Выбрать его можно только в том случае, если задан единый показатель, по которому будут сравниваться все возможные планы. Если же задано несколько показателей, чем по одному показателю, результат получается плачевный. Единым показателем оптимальности должна быть прибыль. Но тут нельзя забывать, что интересы предприятия, работающего по прибылям, непременно должны согласовываться с интересами всего хозяйства страны, то есть система ценообразования должна быть

органически увязана с оптимальным планом развития всей экономики в целом.

Чтобы как-то конкретизировать наши задачи, приведу пример. Группа сотрудников нашего института работает над оптимальной системой управления автотранспортом. Проблема эта выросла из чисто математической задачи линейного программирования. Взяв автотранспорт, мы решили не только сделать конкретное дело, но и провести, как в теории, к общему теоретическому положению. Например, каково самое удачное соотношение в хозяйстве страны централизации и децентрализации? Было время, когда транспорт почти полностью был децентрализован. Каждый завод, каждое учреждение имело собственный транспорт. Время показало, что это невыгодно. Наступила пора бурной централизации. Нужна ли полная централизация или есть определенная грань, на которой она становится невыгодной? — этот вопрос мы и пытаемся решить. Сняла в быту идут математические выкладки, справится с которыми нам помогут электронно-счетные машины. Потому мы моделируем весь процесс — проверяем, не уехали ли нас абстрактные математические построения в сторону от реальности: будут действовать предложенные нами формулы в километрах пробега, вопросах ремонта и т.д. давай!

Первая практическая задача по автотранспорту была решена еще в пятьдесят девятом году. Мы предложили наилучший вариант перевозок пекса от в Московских променах в 209 строким. Задача была весьма сложная была решена, на мой взгляд, удачно. Но... применения не нашло. «Шофер не заинтересован в длине пробега, а не в количестве езды», — рассудили хозяйственники. — Кто ему маршрут рас, программа из-за удешевления математики? И только через год спустя транспортникам разрешили за километр экономичной,

короткой езды платить больше, чем за езду длинную, неэкономичную. И все-таки пришлось создать специальную комиссию, которая, как Чербер, следила за транспортниками и привлекала нарушителей нового графика и ответственности. Сейчас по нашим схемам в Москве возит уже десятка полтора разных грузов. А в Главобласти создана специальная лаборатория оптимизации грузоперевозок, где работают 60 человек. Наши ребята (я говорю «ребята», потому что 80 процентов института — молодежь, 24—27 лет) подучили их обращаться с «электронными мозгами», и теперь они «сами с усами»: информацию на машину передают по телефону, отдают принимают тоже по телефону. Скоро на на подмогу придет «Урал-14» (40 тысяч операций в секунду).

Чтобы читатель «Смены» мог лучше представить, чем же занимается в целом наш институт, скажу, что у нас есть как теоретические лаборатории: оптимизации экономических систем, перспективного планирования, — так и лаборатории, связанные с хозяйственными объектами, где все можно проверить на эксперименте. Среди сотрудников разработана схема автоматизации управления на заводе «Красный пролетарий». Создан эскизный проект автоматического управления торговлей — на примере ГУМа. В целлоэкономической промышленности внедряется оптимальный годовой план, который даст 100 тысяч тонн дополнительной продукции. Большую экономию дал наш план размещения предприятия «Смена». В общем, это то, с чем мы уже конкретно входим в хозяйство. Разумеется, на эти «конкретности» мы тщательно проверяем общие теоретические задачи, которые уже удалось решить. Но самое главное — интереснее создание теории оптимальной системы управления и планирования всем хозяйством, — конечно, еще впереди.

Интервью взяли корреспонденты «Смены»

В. ЛЕВАШОВ, Б. ВОЛКОВ, Т. ИЛТАТОВА, Ф. ФОТО А. ЛЕХМУСА, Ю. ЧЕРНЫШОВА, Е. САНКА

АТТЕСТАТ
СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА

К О У М С О У М О У Л

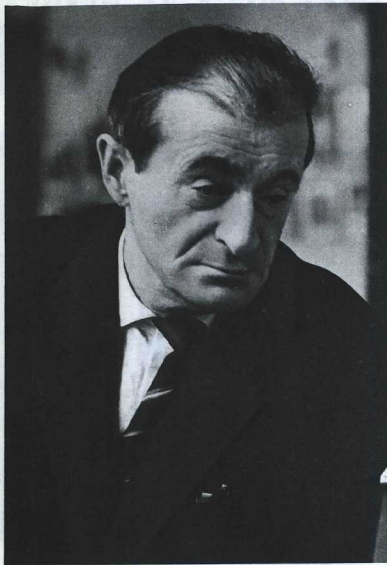
Молодой рабочий, он стесняется громких слов и уверяет, что он не романтик. Целина, Голодная степь, комсомольские стройки Урала и Сибири, новые химические комбинаты — это будни, будни, еще раз будни. Это проблемы жилья, общезинитя, субботники, собрания, рейды — мозаика самых прозрачных дел. Но поэзией человеческого упорства, организованности, мастерства овеяно все, чем живет рабочая молодежь. Это важно помнить, когда включаешь ручку станка, заправляешь нить в челнок, окунаешь юбку в ведро с краской, кладешь асфальт в новом городе. Все — от детской игрушки до конвенторного цеха, все, от теплого каравая до автоматической станции на Луне — овеяно счастьем людей, все это — вечное чудо человеческого труда.

Фото В. САККА

ь с к а я с т р о й к а

В ЮНОСТИ Я ВООБРАЖАЛ СЕБЯ ГЕРОЕМ МНОГИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДИНИЙ, НО НИКОГДА НЕ ВОСБРАЖДАЛ, ЧТО Я РОБИНСОН КРУЗО, ПРОСТО Я НЕ МОГ БЫ ЖИТЬ НА НЕВОИТАЕМОМ ОСТРОВЕ. ВСЕГДА СО МНОЙ БЫЛИ ЛЮДИ, НАРОД, РОДИНА.

Михаил СВЕТЛОВ

ридом фашистский самолет сбросил парашют с прикрепленным к нему ящиком. Внутри него лежал разрубленный на куски труп советского летчика. В ящике записка: «Этот подарок посвящается для того, чтобы командующий воздушными силами красных знал, какая судьба ожидает его и всех его большевиков...»

Все обстоятельства были сегодня против Вальки, и, когда небо и земля замуржились в калейдоскопе расплывающихся красок и пятен, ему удалось скорее машинально, чем сознательно вырваться изстребитель, и он, пробежав несколько метров по неровному полю, стал заваливаться на крыло.

Дальнейшего Валька уже не помнил. Сознание вернулось к нему ненадолго. Недалеко дымилась останки самолета. Кем-то люди сутулились около него, но смутно различил только лицо Ивана Федотова.

— Валька, милый, потерпи!.. Сейчас приедут... Кто придет, он не соберанит. Он знал, что все уже поздно и ничего не получится. Ему стало жалко и себя и Ивана, и он прохрипел, пробуя шутить:

— Раньше смерти не помрем. Знали, на что шли. В-в-в-в-в А сблался песенка «Гренада, Гренада, Гренада»!

Вальке казалось, что он говорит долго, что его слышат. Но после двух-трех фраз губы его смались в гримасе, и Иван подумал, что это просто боль...

А небо было акварельно-синее, с ослепительной короной солнца, такое непривычное для далеко-дальней страны, откуда они привлетели и где росли березы, а в прохладных зарослях няинка драмали ледяные родники.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

«Родился в Днепротровске [Екатеринослав] 17 июня 1903 года. В 1919 году вступил в комсомол. Верен идеям Мировой Революции».

ИЗ ПРИКАЗА

«Зачислить комсомольца Михаила [Светлова] бойцом Первого Екатеринославского полка...»

Крылья зерен машут вдалеке,
Осторожный выстрел эхом поймаи.
А у Васили в сжатом кулаке
Пять смертей, заматые в обмали.

Михаил Светлов.

Костры в стенах

С метелями, звонкими морозами пришел февраль в Екатеринослав.

Пустыни по ночам улицы города. Изредка, забько кутаясь в шинели, проходят патрули. Прячутся за стенами обывателей. В тревожном забытии рабочих окраины.

Голод. Разруха. Зима. За вокзалом — сразу степь. Там свирепствуют банды, и потому так призрачна тишина, неясная, глухая, черная.

Вот и снова — боец патруля срывает с плеча винтовку — где-то за волчанкой со звоном повелели стекла, ухнула граната, сухо зашлепали ливотки.

А. ЕЛКИН

ПОВЕСТЬ О МИХАИЛЕ

Вместо пролога, или смерть Вальки Родригеса

...Кровь заливал ему глаза. Левоу руки словно не было — только жгучая боль в плече. Каким-то чудом он еще тянул самолет: мотор то замолкал совсем, то глухо, с переборами стучал. И вот пришла эта ожидаемая где-то в глубине подсознания минута, которую он так надевался отдалить или искленичить совсем. Но она пришла, как приходит все неудача, когда человеку уже окончательно не везет и одно несчастье нагромождается за другое.

Немцев он не видел, только в стекле кабины веером разошлись от пуль лучики, остро ужалено в шею и спину, по стеклу заструился, все разрастается и разрастается, бурый шлейф дыма.

Он знал, что это конец, хотя все складывалось на радость: нелепо: он сбил одного «мессера», на подбитой машине ушел в облако от другого, и по его расчетам, там, внизу, уже скоро должны были заструиться извилистые змейки оков.

Прягать с парашютом он не хотел: хотя по документам он и значился пышным титулом Хуан Перес Родригес, но вслухатная физиономия Вальки Давченко, типичного вождина, никого не могла авести в заблуждение. В таких случаях, как мрачно шутил его товарищ Анатолий Серов, было по физиономии, а не по паспорту.

Он вспомнил вчерашнее: под вечер над Мад-

— В ружье!.

Первый Екатеринославский полк снова уходит по тревоге в ночь...

Огонь вали почти наугад: тысячи колочных лыдинок бросала в лицо турга, металась в снежном тумане тани, по-человечьи, отчаянно кричали раненые кони. Люди дрались молча, упрямо, зло: плен ничего хорошего не сулил ни той, ни другой стороне. Бандиты отстранивались, с отчаянием смертников: снег мог занести трупы, но не пальцы о зверски замученных избабах, рабочих, сельсоветчицах.

Светлов тыльной стороной варежки смахнул снег с лица, на новенное осматрелся. Славя потерья где-то шапку, что-то кричал, бил и бил из «максима» его дружок — Интия Стеценко. Могучий парнишка, бесшабашный, веселый украинец,

сын своего спожника. Справа поза по снегу Андрей Колзаноков...

— Что-то с командиром! — Он увидел впереди Андрея уткнувшегося в снег кожанку...

Выстрелом становилось все меньше и меньше. Банды vanno ушли...

— Командира убийли...

В рости поднимались люди в штыковую, падали, поднимались снова...

Все кончилось в углу, когда бурли стк и над степью встало мертвое, холодное солнце. Разбросав руки, лежали на наст люди, поземка тропила уже застывшие лица, билась в сдуорогах рывенная лошадь, а к горизонту беженым алло-редо удалялась оторвавшаяся от преследования та-чана...

Командира хоронили здесь же, в степи...

К ночи развели костры и молча отогревали, кашей, скованной льдом, руки...

Он навсегда запомнил эту ночь — февральскую ночь 1918 года в черной степи: «Молчала и Митяй Стецяно. Он сидел у костра, углубившись в чтение какой-то маленькой расстрелянной книжки, словно ничего не слыша и не замечая вокруг. Но вот он вдруг, тихо, словно для себя одного, стал читать какие-то строки Баргаринова, Асева, Безмезного...

...или с побуде революции, о несомола-члах, что своей судьбе «все друг на друга похожи, о строителстве, которое начнется, когда «мы — солдаты — отстоим самое инвентной страну. Митяй говорил нам высоким поэзии: «На зле идет невандина борьба, ревет буря, свирепствует метель, неконствует ветер старого мира, но вы, комсомольцы, вы, коммунисты, идите вперед, на бой...»

Планиа костры зывалятали их томнои изурне-ные от постоянного недосыпания и голодовки лица бойцов. Затык Колзаноков, мечтательно глядя в ямы той ночи. Мы уже не замечали поношенной рыжеватой шинели Митяи, ни его поспавшей золочерой рубашки, ни заплетавших, засорурихот Ботиночки австрийского образца. Перед нами, распрямившись во весь свой огромный рост, гордо стоял прекрасный Чоловец.

Планиа костра горело в его глазах, оно булосво в его груди, придавало таюру силу его голосу, словно он своей плачущей речью взрывал старый мир, завл нас заглядывая в будущее...

— Каким оно будет, это будущее? — спрашивали...

— Ударилишь... — отвечала устала Митяа маленькая и непривытная инокошка, но все, о чем она говорила, было прекрасно.

Для митяи из нас стили, да и само понятие комсомола завлился в ту ночь великим и сказочным открытием. Мы не могли уже это забыть...

«Ольга Мифузурнина» и непризнаанный романсет

Когда окружающие начинают называть тебя «поэтом», а мыслям всегда возвращаешься к началу. И он вспоминал о них обычно с нежным

юмором: детство всегда стоит если не любви, то светлой грусти.

Моя культурная жизнь началась с того дня, когда моя мать приволок в дом огромный мешок с разрозненными томами сочинений наших классиков. Все это добро вместе с мешком стоило рубль шестьдесят копеек.

Отен, вовсе не собиравсь содовать публичную библиотеку. Дедушка мой, что замечательно случило на весь Екатеринбургское производство жареных селедочек. Книги предназначались на куплю. Я добился условия — книги пойдут на кухню только после того, как я их прочту. И тогда я узнал, что Пушкин и Перикитов погибли на дуэль. И еще меня поразило слово «секундант», я был убежден,

что это часовщик, в совершенстве владеющий секунндными стрелками...

Тотчас же по прочтении всех книг я засел за собственный роман. Он был написан в два часа. Когда я его читал, моя сестра смотрела на меня с восхищением — приятно, когда в родной семье обнаруживается гений.

Но меня постигла страшная судьба — весь роман занял два с половиной страницы, написанные крупным почерком. Я и сейчас помню название этого романа — «Ольга Мифузурнина». К счастью, героиня недолго мучалась — она умерла на третьей странице.

— То время я учился в высшем начальном училище.

Вступил уже автором одного романа, я решил испытать себя в области поэзии. Стихотворение в двадцать строк заняло двадцать минут. Начинаясь, оно весьма свежей строкой: «Возбико тзбро наступает...»

Я посвятил Колю Коробикова (товарищу по школе... А. Е.) в свои творческие успехи. Он молча выслушал.

Дело происходило вечером, на следующее утро он мне прислал стихотворение размером до двусот строк. Он, очевидно, решил, что я дескать раз больше, значит, в десять раз лучше.

И тут между нами началось соревнование — кто напишет быстрее! Мы шатались по редакциям, и ленточку финиша первым разорвал Коля Коробиков. Его напечатали в общегородской ученической газете.

Будучи совершенным невеждой в деле, которое я впоследствии посвятил всю остальную жизнь, я и тогда понимал, что стихи пресиверные. Тогда я еще не мог знать, что очень нужная тема — тогда тащит за собой очень толстую текст.

...Я оставался непризнанным... Все же в 1917 году в газете «Голос солдата» было напечатано мое первое стихотворение...

Страница автобиографии

Учился на рабфаке, затем на литературном факультете Первого Московского государственного университета, в Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова. Здесь крепко подружился с Баргариновым...

В том же 1919 году я впервые в жизни вступил в должность — был назначен заведующим отделом печати Днепропетровского (тогда Екатеринославского) губкома КСМУ. Мы решили издавать комсомольский журнал «Юный пролетарий». Но журнал печатается на бумаге, а бумаги не было. С трудом достали конвертную. На ней шрифт был еле различим. Среди типографских работников в то время было много меньшевиков. Они всячески саботировали наше начинание, но все-таки несколько номеров журнала вышло — это был первый на Украине комсомольский журнал.

И в это время ко мне — шестнадцатилетнему редактору — пришли со своими стихами два шест-

надцатилетних парняши с Александровской улицы — Михаил Голодный и Александр Ясьин. В нашей комсомольской организации я был единственным поэтом, теперь нас стало трое.

Мы устроили литературный вечер. Это был, наверное, первый на Украине комсомольский литературный вечер. Другая моя еще кое-как держалась, но, когда я вышел на трибуну, у меня ноги подкашивались. Я начал тихо мылить стихи, как будто что-то задал крепко («Давай, митяйка!» Голос мой сразу орег, и закончил я звуками героической поэмы: «И ярю пенящихся кубок свободы мы, юнош, дав, старикам, подадим!»

Несмотря на неверное уверение в слове «пенящихся», меня проводили овациями.

...Михаил Голодный был неуговорен: «Ты пошушишь. Разве в Москве пишут лучше, чем пишем мы! Едем в Москву!» И Голодный, Ясьин я — не три строчки, а три брата поэзии — поехали в Москву. Мы были бездомными довольно долгое время, пока нам не предоставили для обихода гостиницу коммунального типа. Это здание и сейчас стоит на улице Чернышевского, и, проезжая мимо, я с грустью смотрю на него, как на планник своей молодости.

«Гренада, Гренада моя!»

Они сразу стали легендарными — эти строки о Гренаде, о хлопце с испанской грустью, о восходах, которые поднимались и падали над степью, о гаремках, павших за Революцию, за то, чтобы «звонко в Гренаде крестьянм отдала»...

«Гренада», как разряд молнии, родилась в грозной атмосфере тех лет. Как-то, работая над книгой «Путь к стихам из судьбы», я набрасывал заметки. Как рассказать о пути этих легендарных строк, перешагнувших границы и облетевших свет? О третьем томе «Могилы» О светлой романтике Революции! О дилемме, так органично, по-сетевски соединившей в музыкальных фразах тончайший лиризм и высокие идеи века — наш интернационализм, доходящий до самоотречения и самопожертвования? И сколько слышится в шорохавшем подтексте, и мажор, трубачей, поднимующих бойцов в гражданскую, и раздувая юности в бедуновках, и накал истинной страсти, душевная широта и широта России, всегда воспринимая к чужой беде и всегда сердцем с теми, кто выходит на баррикады, чтобы остановить фашизм.

Такие стихи не пишутся «по заказу» или случайно. Они рождаются, как долго бродившая под сердцем плеснь, амтвешная долгие раздумья, боль, раздосадов...

И совсем не потому, что хотелось «поверить алгеброй гармонию», — просто хотелось еще раз пообщаться с человеком, сотворившим такое волшебство.

Я позвонил Светлову, попросил о встрече... Я знаю, что такое не различить по понятию, но, наверное, что-нибудь необыкновенное случилось, когда на бумагу легли строки «Гренады»...

— Старик, ты знаешь эту песню:

Авантю, пополю,
А ли рисовос
Бандьера росса, бандьера росса...

— Ее, наверное, все знают... «Красное знамя»...

— Возможно. Но сейчас это история. Тогда она звучала как «Итерационализм». Тогда это было «ка-ки парасари» — «Они не пройдут!» — фашизму. Сейчас все даты и годы как-то сместились. Но верно общее: «Гот Фронта Тельмана, песни Буше. Здесь «что-нибудь» трудно подразнить: тревога, гордость, онемление, уверенность, и еще какая невинность — все подвигало меня к «Гренаде».

А остальное неважно. Могла быть Гренада, а могла быть и Севилья...

— Впрочем, нет! — Он улыбнулся. — Свойми быть не могло. Это уже на другой олеварь: «О! Бандьера! Гренады раздается твой менчик». Здесь что-то театральное, это бы не подошло. Во всяком случае, так воспринимается... — Потом закончил: — Все мы тогда писали свои «Гренады». Не могли не писать.

«Гренада» вышла в свой легендарный путь... Много раз холодный шлейф снега заглажула вешенная капель.

Сотресли змало войны, оставшиеся и матежи. И в очистительном прибое революции, охватывавшем городе и страны, ослепя и Баргарины. Были отдельные стихи Светлова...

Это сейчас точно заметил как-то Павел Антокольский:

— Стоит только вспомнить стихи и сотням тысяч людей тогда выдохнуть из одного порывом воздуха дыхания слово ГРЕНАДА — и эти люди откликнутся не однажды мы испытанным волнением и радостью от соприкосновения с высочайшим искусством, с песней, которая сложена поэтом и певцом.

— Это волнение и эта радость давно уже начали свое славу дорогу. Однако сегодня ясно чувствуется, что дороге этой конца не предвидится...

Вечерний звонок

Идти никуда не хотелось: по окнам барабанил крупный, холодный дождь. Серов небо казалось, пришло к стенам. В комнате было холодно. Он греется чем-то, пытается читать стихи, но чтение тоже не шло: не душе, как и на улице, было сыплетно, нудно, тоскливо.

Борис Ковычев, что-то поворачивая, завалился на топчан. Мрачно чиркая строчки, он не вытаскивал палитры из-за рта, артистически пуская два копца. Светлов листал книгу, когда дверь приоткрылась и появилась ехидная физиономия соседа.

— Михаил! Так Мавковский к телефону зовет!

— Брось разговаривать!

Он забко пожал плечами и перевернул страницу.

— Слушай, я тебе серьезно говорю!

— Врешь ты все. Я же с Мавковским лично не знаком.

— А я откуда знаю? Скажи, Мавковский...

— Все еще не веря, он лениво пошел в коридор к аппарату.

— Трубка действительно была снята.

— Алло! Я у телефона...

В трубку арсепал недовольный бас долго ждвшего человека:

— Послушайте, Светлов. Я в харьковский госиницие сидел в очереди и парикмахеру и от скуки начал перелистывать журнал «Осетрия». В нем многократно вышло стихотворение «Игуаруша». Оно мне очень понравилось. Я решил почитать. В привативенную телеграмму, но потом передумал: позвоню ему лично, так будет еще приятнее. Не забудьте выписать из стихотворения «влюбленного» вездеход. Это интертюркизм.

— Я уже выписал.

— Тогда все прекрасно. Придите завтра ко мне. Подем вместе на мой вечер в Политтехучеб...

— На том вечере Мавковский читал наизусть «Гренаду». Оказалось, что читал он ее и в Харькове.

— Говорят, — сказал он с эстрады, — было я не признаю никаких других поэтов, кроме себя. Чепуха! Хотите, я прочту вам «Гренаду» Михаила Светлова?

Зал аплодировал.

«И никуда, ни разу не сбавшись, поэт с какой-то берозью заветно прочитал это великодушное стихотворение, раскрывшее мне в тот вечер во всей своей поэтической мощи».

— Это рассказ человека, бывшего на вечере, впоследствии фронтového товарища Светлова.

Минуты он вспоминал комнату Бориса Ковычева, дождь за окном и рожковщюй звук в телефонной трубке.

Проходят долгие годы. Не станет Мавковского. Когда к его 70-летию попросит Светлова написать в «Литературную газету», родится строчка, проинициум которой грустно:

«Что такое большой художник? Это человек, у которого потолок выше небес.

Передо мной Мавковскийю лущую мабелю на свете — звездную поющую, высокие горы, мелеющиеся облака, грузинскую поющую речку.

Гору нельзя развенчать на холмы, а бурную речку — разнать на бурлящие.

Мавковский — это сама обширная на свете комедия, у которой нет стен. Мне скажут: но ведь человек не может жить без стен — они предохраняют, на них висят портреты великих, фотографические дружки и родные.

Значит: да здравствуют стены, которые нас не отделяют от мира. Стены, затворяющие нас мир, — это тоже турция.

Мавковскийю для меня — стена, соединяющая со всем миром.

Единственное, что у меня дома висит на стене, — портрет Мавковского. И поэтому мне кажется, что у моей комнаты нет стен...»

Сорок минут плюс жизнь

В двери постучали, и в пороге возник взлохмаченный Свентов Тихомиров. Давид, друг, неутомимый бродяга и талантливый режиссер, он без проволочек приступил к делу:

— Вот что. Я обиделся и мне некогда. Михаил Я делал «Украину» для товарища. И к ней нужна песня, в которой были бы Казакова и девушка. Я устал с дороги, послуя у тебя, а когда ты напишешь, забуду...

Все это он выпалил, пока пересек комнату. Добрался до двери и мгновению заснул.

Расквашивая эту историю, Светлов добавил:

— Казакова — это моя родная земля. Я, правда, в ней никогда не был, но моя мощность тесно связана с Украиной. Я стремился вернуть Украину, свою историю, своих товарищей... Мой друг Тихомиров так недолго. Я забуду его через сорок минут. Сонным голосом он спросил меня:

«Как же это так у тебя быстро получилось, Михаил? Всего сорок минут прошло!» Я сказал: «Мы плохо считаем. Прошло сорок минут плюс моя жизнь...»

«Всего сорок минут плюс моя жизнь...» без накопления чувств не бывает искусства. Не было бы и «Каховки».

«Каховка» родилась не неожиданно. Она, как в мгновенье озарения, вместила всю жизнь, судьбу, мечты и раздумья поэта.

Неожиданность предполагает случайность. Здесь была закономерность: рано или поздно Светлов все равно пришел бы к этой теме.

В 1935 году с экрана впервые прозвучала «Каховка». И не было ни одного человека в огромной стране, кто не напевал бы сразу запомнившихся и вошедших в сердце слов:

Каховка, Каховка — родная виниточка...
Горячая пучка, летит
Мряука в Варшаву, Орел и Каховка —
Эта большая пучка.

Грелела атака, и пули везели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходила в шинели,
Горячей Каховкой идет...

Ты поминишь, товарищ, как вместе сражались,
Как была обманная проза!
Тогда нам обомы слезы дым улыбались
Бе голубые глаза...

С экраном, на дальних пограничных заставах, в колоннах демонстрантов, идущих высшими улицами Москвы, на Мавгитке и на завьюженном Дикосне звучали слова, словно присяга на верность:

Под солнцем горячим, под ночью степною
Немало пришлось нам пройти,
Мы мирные люди, но наш фронтопоезд
Стоит на западном пути.

В чем был волшебный секрет популярности «Каховки»?

Как-то Светлов заметил:

«Темная рывалая поэтика каждый фильм рождал новую песню! А сейчас так редко случается. Наверное, потому, что песни, которые не принимают народ, живут где-то яна периферии важнейших чувств и мыслей, волнующих современников».

Мы жили тогда стремительно и тревожно. Испания была впереди. Но уже жили книги на улицах Берлина, и в Италии маршировали чернорубашечники...

Об этом думал каждый, и песня нашла слова, созвучные ветрам воле.

Гроза вставала над миром, и уже никто не мог предостречь ее. Впереди был первый бой с фашизмом.

Непасное небо

Они добровольно пришли на эту землю и умирали за нее.

Простые русские парни. «Из нашего города» — с Арбата и Невского, Крапчатина и Дербисавского. Легендарная Пасюнина — Дюлосер Ибарурун горючая, которая приводела в порядок выжженные, и оприднявая все технические нормы и нормы человеческой выносливости, на следующие утро возвращались в бой... Они приехали в Испанию

по доброй воле, чтобы сражаться бою с бок с испанцами. То была большая привилегия революционной романтики советского героя...

На Аргономском фронте и под Гавдалахором дрался муза Светлова. Она поднималась с бойцами интербригады в атаку, тихо склонялась над равниной в окопах, уходила с истребителями на дальний полет.

«Гренада» была для нас — добровольцев, движущихся в Испанию, — своего рода гимном. Светлов сказал то, что не только чувствовал каждый, но переживал ежедневно, конечно, носясь, являясь к себе, как самое сокровенное.

То, о чем говорили стихи, было смыслом нашей жизни, и здесь ни убавить, ни прибавить нельзя, чтобы учесть, что все мы выросли с «Каховкой», нетрудно понять, что может походить, если она впитала раздумья, надежды и мечты человека, вставшего под знамена Революции.

Когда Герой Советского Союза Михаил Григорьев вспоминал эту боевую пучку «Гренады», я думал о счастливой судьбе стихов, открывавших людям лучшее в их душевном мире, стихов-солдат, никогда не увеличивающихся в запас.

Сражались поэты высокой романтики и интернационального братства. И, как ответная волна, ша навстречу мелодии «Гренады» музыка строк великого испанца Антонио Мачадо:

Россия, благодарна России!
Испания ты слышишь голос!
Рекет грозы военной похорыва,
Гремит от моря и до моря.

Он говорит тебе, сестра!

Переплетаются судьбы людей и судьбы стихов. Светлов не видел, как его «Гренада» вместе с десятками тысяч людей ша скорбным немощным днем 1937 года по улицам Валенсии. В тот день, как всегда, неслись облака над землей, над звездами, мимолетными бышлыми и над дорогами, где когда-то бродили солдаты со своим армянским оружием. Люди улыбались, спорились, рожали детей и падали под пулями.

В окне дома № 2 по проваду Художественного театра «Гренада» горел в ночи свет и дожигался на бумагу строк:

«В воздухе пахнет грозью. Это чувствую ежедневно — пахнет сейчас для меня — как первая любовь и тревога».

Светлов писал письмо другу.

А на дальней земле Сервантесы люди молча рали могилы. Газавалась на ветру алыне и траурные знамена республики. И, когда отгремел прощальный салют, а провожающие в последний путь генерала Лукаче — Мате Залка — снова шли в бой, на обалкине в тишине вечера напряженно земляла слова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтобы жить в Гренаде
Крестьянам отдасть.

Облскин встанет над прахом, а у Лукаче и его соратников по борьбе и вере, о которой говорила «Гренада», был еще дальний, грозовой путь...

СТРАНИЦА «АВТОБИОГРАФИИ»

«...Одним из после долгих уговоров разведчиков взяли меня с собой. Когда я возвращался из разведки, начался сильный артилет.

Мы наступали сплошном стрелителем, и в каких окопах не было бы разведки. Нам было суждено вырваться себе янучю. Я бежал вместе зтими янучками и чувствовал себя, как в коммуналной квартире: жить можно, но спастись негде...

Когда я отступил, я подлаялся и пошел к своим. И ядрот сумоно.

— Майор! А майор!
Субординация не мое отличительное качество. Я покорно подхожу.

— Правда,
— Как же все сюда пускую!

Он готов был умереть раньше моей песни. Я был уверен, что янучю, что ушел, не узнав его имени и фамилии...»

«Что касается меня, то если бы мне пришлось выбирать, то я бы остался на Луне, а не колесил бы на одной шестке, выбрав бы Луну».

В. Гершель, 1780 год.

Нтранние чувства испытывать, рассматривая последние фотографии Луны. До сих пор мы привыкли видеть Луну далеко в небе. Даже на лучших телескопических снимках, даже на телевизионных изображениях американских скайдрайверов Луна выглядит небесным телом, пусть даже наблюдаемым вблизи, как бы с епического повета.

Совсем другие ощущения вызывает изображение, переданное на Землю советской автоматической станцией «Луна-9». Зритель чувствует себя как бы внутри космического корабля, спускающегося на Луну. А в окна станции видна не привычная, далекая, «астрономическая» Луна, а какой-то новый, неизведанный мир. Тут уже не скажешь, что Луна где-то «верхух». Нет, она теперь «внизу», хочешь сказать, «под ногами», а «верху» — черное небо и там же, «верху», можно было бы увидеть «всущую и пространств Землю». Ей нет на снимках не потому, что такой космический облик нашей планеты недоступен для телевизионных передач, а просто потому, что программа «Луна-9» предусматривала нечто более важно — передачу изображения лунного ландшафта.

Если бы Вильям Гершель, знаменитый астроном XVIII века, посмотрел на этот реальный лунный пейзаж, вряд ли бы он успел стать селенитом. Угрюмая, безмолвенная, немая пустыня, уходящая куда-то за горизонт. Зияющие, черные провалы (возможно, трещины в лунной коре) и множество камней, лунных комков, внешне очень похожих на земные.

Что это? Метеориты! Вряд ли. Даже самые мелкие из небесных камней взрываются в лунную поверхность со скоростью в километры и даже десятки километров в секунду. При таком ударе неизбежно образуются воронки, во много раз превосходящие по размерам метеорит, а сам небесный камень полностью [или почти полностью] обращается в раскаленный газ.

Судя по снимкам, лунные камни лежат не в ямах, а на ровной поверхности. Нет, это, конечно, не метеориты, а скорее всего вулканические бомбы, выброшенные из лунных вулканов.

Кстати сказать, извержения лунных вулканов много раз видели такие опытные наблюдатели XVIII и XIX веков, как В. Гершель, Г. Ольберс, Ж. Лаланд, В. Струве и многие другие. Недавние наблюдения А. А. Козырева и открытие горячих пятен на поверхности Луны, совпадающих по расположению с молодыми лунными кратерами, — лишь новые подтверждения прежних наблюдений лунных вулканов.

Метеоритная бомбардировка Луны [несомненно, продолжающаяся миллиарды лет] проявилась в другом. Обратите внимание: лунная поверхность — очень безжизненная. Полагают, что эти бесчисленные мелкие вымки и кратерчики образованы микрометеоритами, непрерывно бомбардирующими лунную поверхность. При каждом ударе — миниатюрный взрыв. При каждом взрыве спекают-

ся лунные породы и вещество микрометеоритов. В итоге лунная поверхность похожа на пеплу. И этот твердый лунно-метеоритный слой оказался вполне надежной опорой для нашей первой лунной обсерватории. Не оковы пыли, в которых уютно космические корабли (Был и такая гипотеза), а твердая, кокетит жидет, слегка хрупкая поверхность жидет перых лунных космонавтов.

Советская лунная обсерватория показала нам соседний, мрачный и необжитый мир. Но этот мир в обозримом будущем должен превратиться

в бензину при такой нагрузке будет очень большим).

Переведя этот пример на космический язык, Лунная ракета, например сообщившая долгие расстояния топливо на четырех этапах: при взлете с Земли и выходе на лунную орбиту; при посадке на Луну; при отлете с Луны и выходе на земную орбиту; и, наконец, при посадке на Землю. Все топливо для этих четырехэтажных расходов берется с собой, так как заправка в пути этим проектом не предусмотрена.

В результате лунный экспресс дол-

жаст топливом с лунного спутника и стартует обратно на Землю. Высадка на Луну может совершаться без капсулы, с помощью основного космического корабля. Возможны варианты.

Второй способ сблизителен прежде всего тем, что в принципе он осудствен уже средствами современной ракетной техники. Правда, только в принципе, потому что остается пока не решенными ряд очень трудных задач, и прежде всего стыковка космических кораблей на орбите, а также создание искусствен-

Ф. ЗИГЕЛЬ

● РАССМАТРИВАЯ ЛУННЫЙ ЛАНДШАФТ ● ТРУДНО ЛИ СТАТЬ СЕЛЕНИТОМ? ● ОБЖИТА ЛУНА

во вполне комфортабельный филиал Земли.

Мы изобавлены изумительными успехами советской науки и техники. И, разглядывая лунный ландшафт как бы в окна первой лунной обсерватории, многие хотят сами оказаться там, на Луне, и взять в руки то, что станет возможным в недалеком будущем — в этом сейчас, пожалуй, никто не сомневается [хотя конкретные сроки указать, конечно, трудно]. Но как добраться до Луны, как проглотить по ее поверхности, как, наконец, вернуться обратно на родную Землю — эти вопросы решены пока лишь в мечтах. Вероятных способов достижения Луны очень много, однако их можно разделить на два основных типа.

Первый сводится к беззавтрачному полету по трассе Земля—Луна. Если говорить о земных аналогах, такие способы подобны автомобильным поездкам на дальние расстояния по дорогам, где нет ни одной заправочной бензоколонки. Читатель, даже не будучи автомобилистом, легко представит себе трудности такого путешествия. Скажем, чтобы проехать от Москвы до Владивостока на «Москвиче», где не заправлялся бензином, надо взять с собой примерно полстопки канisters. Ни в кабине, ни в багажнике они не разместятся — придется тащить с собой специальный «обслуживающий персонал». Промолдо, неудачно и даже, пожалуй, нерентабельно [расход

жен иметь постоянные космические размеры. Так по американскому проекту «Новая», стартовый вес беззаправочной лунной ракеты — около 3 тысяч тонн, ее длина — около 120 метров. Создание таких сверхтяжелых лунных ракет — задача исключительной сложности.

Аналог другой группы способов достижения Луны — обычное автомобильное путешествие по благоустроенной автодорожке с необходимым количеством бензоколонки. Авторы таких проектов исходят из принципа, что построит сейчас и запустит несколько легких ракет проще, чем создать одну сверхтяжелую ракету. Правда, высокая характеристика многих малых ракет хуже, чем одной большой.

Один из вариантов способа выглядит так. Прежде чем отправлять экспедицию на Луну, около Земли и около Луны создается «заправочные» искусственные спутники со значительными запасами ракетного топлива. После этого с Земли выводятся на околоземную орбиту миниатюрный космический корабль обычного веса, скажем, такого же, как уже существующие. Он сблизается с «заправочной околоземной станцией», происходит стыковка, заправка новыми порциями топлива, после чего корабль отправляется на Луну.

Корабль может не опускаться на лунную поверхность, а поместиться на окололунную орбиту и выбрасывать на Луну капсулы с космонавтами и автономными ракетными двигателями. После завершения работ на Луне космонавты возвращаются в той же капсуле на корабль, заправляю-

щего спутника Луны. Заметим в связи с этим, что облет Луны на близком расстоянии [без высадки на ее поверхность] представляет собою задачу гораздо более легкую, чем организация лунных экспедиций. Не исключено поэтому, что такой разведывательный облет Луны будет предшествовать аступлению человека на лунную поверхность. Так или иначе, но уже в близком будущем [измеряемом, вероятно, годами, а не десятилетиями] человек увидит под ногами лунную поверхность, выйдет в руки первый лунный камень, совершит первую лунную экспедицию.

Для этого недостаточно, конечно, доставить космонавтов на Луну. Надо предоставить космонавтам точечные средства для прогулки по лунной поверхности, то есть, иначе говоря, одеть их в надежные, удобные скафандры. Успех в этой области весьма значителен, и вряд ли можно сомневаться, что скафандры первых лунных космонавтов будут автономными, с самостоятельной системой дыхания и терморегулирования. Только в таких костюмах [по крайней мере на первых порах] человек станет луннолетом, селенитом и сможет прогуливаться по Луне почти с той же непринужденностью, как и по родной планете.

Впрочем, это, конечно, — преувеличение. Первые селениты ждут не только костюмы терморегуляторы, но и весьма серьезные опасности. Не говоря уже о всяких непредвиденных опасностях, подтверждающих космонавты в изыскомом лунном мире, главные, мягко выражаясь, неприятности следует ожидать от микроре-

теоритов и солнечных хромосферных вспышек.

Смерть от удара по голове крупным метеоритом на Луне столь же маловероятна, как и на Земле [где, кстати, такие случаи ни разу не зарегистрированы]. Другое дело — микрометеориты весом в грамм и доли грамма. На Земле нас спасает от них атмосфера, в которой микрометеориты тормозятся и полностью распыляются на высоте порядка сотни километров. На Луне воздушная броня отсутствует, и любой метеоритик ве-

сом в миллиграммы при скорости в десятки раз быстрее пули будет обладать не только «пробивной», но и «убийной» силой. Защититься от них непросто.

Вторая опасность — корпускулы, выбрасываемые Солнцем при так называемых хромосферных вспышках. На Луне, лишенной магнитного поля [полюсов для корпускул] и атмосферы, облучение корпускулами [в основном протонами и альфа-частицами] будет беспрепятственным. Очень мощные, опасные для жизни

хромосферные вспышки сравнительно редки: интервалы между ними измеряются месяцами и годами. От вспышек меньшей мощности можно укрыться в специальных толстенных убежищах.

Мы привели лишь два примера, чтобы убедить читателя в истине, впрочем, достаточно очевидной: лунная экспедиция будет героическим подвигом, не имеющим прецедента.

Стать селенитом очень трудно. Но

разве когда-нибудь трудности останавливали человечество!

Набросав в самых общих чертах ближайшие перспективы освоения Луны, попробуем теперь представить себе Луну в далеком будущем.

Кто-то [не помню сейчас, кто именно] сказал, что существование Луны по соседству с Землей — это вызов человечеству. Вызов в том смысле, что такая стремительно прогресси-

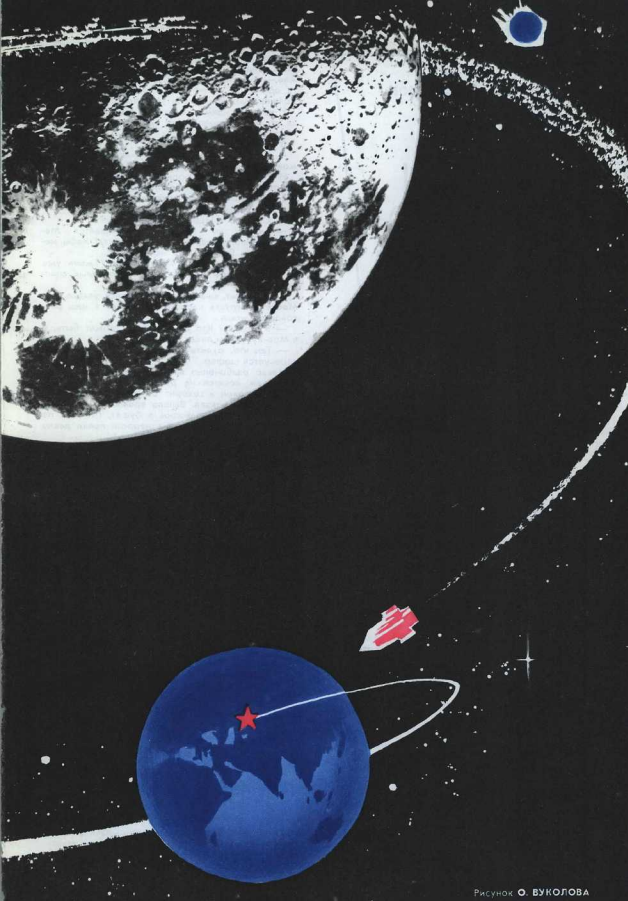

Рисунок О. ВУКОЛОВА

рующая цивилизация, как человечество, не может быть в Луне равнодушной, не может оставить ее в покое, а рано или поздно непременно освоит эту «целинную» территорию.

Что ж, такой оптимистический взгляд на вещи вызывает смелитию. Ну разве не соблазнительно освоить территорию, почти равную трети Европы! (Такова площадь поверхности Луны!) Разве можно оставить нетронутыми богатые лунные недра, неиспользованными колоссальные запасы энергии падающего на Луну солне-

чного излучения! Разве не мечтают астрономы о создании лунных обсерваторий, где облегченная тяжесть позволит строить телескопы грандиозных размеров, а отсутствие атмосферы позволит применять практически любые увеличители! А физикам, с такими трудностями создающим вакуум на Земле, разве не хочется без всяких затруднений получить в лунных лабораториях идеальные вакуумы!

Уже сегодня можно, пожалуй, несколько конкретизировать пути раз-

вития лунной индустрии и лунной энергетики.

После первых экспедиций на Луну, создания на ее поверхности сначала временных, а затем и постоянных научных станций начнется период расширенного лунного строительства, ура, так сказать, глобального освоения Луны. Учитывая специфику лунного мира, это строительство будет вестись, конечно, иначе, чем на Земле. Приведем только некоторые примеры.

Чтобы спастись от метеоритной

опасности и смертоносных корпускулярных излучений Солнца, лунные жилища будут сооружаться в толще горных массивов или глубоко под лунной поверхностью. Эти жилища должны быть герметически изолированы от внешнего безвоздушного пространства, а внутри них придется создавать искусственную атмосферу. Жизнь в таком лунном доме имеет некоторые общие черты с жизнью в кабине космического корабля или внутри подсорной лодки.

Лунная индустрия со временем станет развиваться на базе местных ресурсов, так как доставка сырья с Земли сопряжена с огромными трудностями.

Сформировавшись в той же зоне протопланетного облака, как и Земля, Луна, вероятно, обладает некоторыми запасами воды, но только не в жидком состоянии, а в форме льда. Не исключено, что эти льды сохраняются на дне многочисленных лунных трещин, куда жидкая не проникающая солнечная вода. С другой стороны, молекулы воды должны быть вкраплены в кристаллическую решетку аналогичных лунных минералов. В особенности богаты водой такие вулканические породы, как обсидиан и серпентин.

Нагревая эти минералы с помощью солнечных установок, можно конденсировать выделяющийся пар в жидкую воду. Разлагая же воду на водород и кислород, можно получить два очень ценных для лунножителей вещества.

Те же самые солнечные установки (а на Луне их можно сделать очень мощными), расплавляя двуокись кремния, выделит чистый кремний, ну очень для кремневых солнечных батарей. Гигантские солнечные батареи обеспечат лунные жилища электросилой.

Нет сомнения, что недра Луны богаты залежами всевозможных руд. С другой стороны, вероятно, удастся получить металлы из их оксидов. Разлагая карбонат кальция на оксид кальция и углекислоту, можно последнюю использовать для выращивания в тепличных растениях, в частности хлорофилла. Существуют проекты лунных оранжерей, где средствами гидропоники переселенцы с Земли будут выращивать овощи и фрукты.

Словом, уже сейчас освоение Луны представляется нам задачей вполне технической осуществимой.

Со временем человечество заселит Луну, как стала постепенно на наших глазах заселяться Антарктида. Можно быть, уже в обозримом будущем на Луне появятся настоящие селитмы — коренные жители Луны, рожденные в лунном мире земными переселенцами. И, как знать, быть может, эти родоначальники лунного человечества по праву будут считать Луну своей родиной.

Любопытна деталь: на Луне, где тяжесть в шесть раз меньше земной, работа сердца значительно облегчится. Возможно, что переселенцы с Земли избавятся по этой причине от многочисленных сердечно-сосудистых заболеваний — бича современного человечества. Если к этому добавить, что интенсивное ультрафиолетовое облучение Солнцем лунной поверхности создаст там почти абсолютную стерильность, а искусственный воздух лунных жилищ будет идеальным кондиционером, то кажется ли нам энригаф с этой статьёй не столь уж бессмысленным, как повначал!

Любопытна также автоматическая станция, твердо стоящая на лунной поверхности — первое лунное космическое сооружение на Луне. Этот беспримерный подвиг по положению начало «человечеству» Луны.

КОЕ-ТО КАЧАЕТ ПЛАЩОМ ПОСТАВЛЯ МАШИНУ

Виктор ЛЕВАШОВ

ТРИ ЛИСТКА ИЗ СЕВЕРНОГО БЛОКНОТА

Синий в постель. За окном солнышко и безлюдно. Давно опустели тротуары, потрусились аллеи скверов. Шире, чище, как бы просторнее стали улицы, строме дома, и словно разохламатились, одичали вдруг сосны в городском парке.

Три часа ночи.

Странное чувство испытываешь на Севере летом. Вот день проходит в заботах и делах, вот вечер показывают часы, вот — ночь, время спать. Но солнышко не спит, все висит над горбатыми зелеными, над сопками-терриконами, что окружают город со всех сторон, нечует от одной к другой, видно все кругом далеко и отчетливо: тихое бледное озеро, подымавшееся выше берегов, мышьные валуны, сныватые леса на лыжках горалки. И не хочется спать, жалко, очень жалко тратьте на сон солонечную ночь, так спокойно и щедро отпущенную. Заползарья. И возникает странное ощущение какого-то светлого, печально-томительного одиночества, и хочется, чтобы забрел кто-нибудь в твою уютную гостиничную номерок за делом или просто так — поспидит бы, поговорил, покомовал.

Но город спит, привычный к ночному солнцу, никто не приходит, и ты сидишь на подоконнике, покуриваешь, смотришь, как белые, туманной струйкой вытпугные облака медленно проплывают в сфере, как чуть заметно колышется от слабого ветра зерпальная вода у берегов, и незолно вспоминаешь то, что увидели, услышали, узнали здесь, на этой земле, под этим бессонным солнцем...

В
ПОИСКАХ
ЗОИ

В Мурманске товарищ сказал мне с досадой: «Слушай, ну что ты торопишься расседать! Откуда да как да что!... Он явно был недоверен моей манерой разговаривать с людьми. — Ты спрашивай: «Зачем вы на Севере?» и сразу все станет ясно...»

Мы сидели в горном комсомоле, и через несколько минут должно было начаться бюро. Мой товарищ поглядывал уже на часы, но тут отво-

рнулся дверь, и вошел невысокий парнишка с озабоченным лицом.

— Слышишь, ребята, где мне Зою Бондаренко найти, не подскажете, а? — спросил он от порога высоким хрипловатым голосом. — Зоя Семеновна Бондаренко? Вышла так, белая. Слышишь у нее вот здесь вот, у Брови. Не подскажете!

— Бондаренко? Зою! Нет в горном таких.

— Ну, ясно дело, нет,— согласился парнишка.— Если бы была, не спрашивал бы да! — Он сел на стул, стиснул с балобрышкой, давно не стриженой голку голову-восемьминутку с полмоленным козырьком и вытер рукавом лоб.— Ф-фух, избаловалась весь... Она, Зоюшка, слышь, у нас работает, в отряде, да как в институт вот поехала поступать.

— В какой?

— В какой? В какой? — вдруг начинает сердиться парнишка.— Кабы знать, в какой! Мне на чальник велел: найди, передай, пусть скажет адрес, премия ей причитается. Найди, велел— и все. Вот чудило-то тоже! Найди! Мурманск-то, вои он какой! Найди! Найдишь тут! С утра бегаю!

Постепенно выясняется, что зовет парнишка Макаром, лет ему восемнадцать, в прошлом году окончил школу и работает ревинком в топографическом отряде. В Мурманск послали по малким хозяйственным делам, с которыми он уже справился, велели особо не загибаться, найти Зою и к утру быть на месте. Адреса он не знает, в какой институт поехала поступать, тоже не знает. Знает только, что найти надо.

— Промытло ей сейчас ой как ко времени! — объясняет он и снисходительно добавляет: — Студенты, известно, какие они богачи...

— В адресном бюро был? — допытывается мой товарищ.

— Был. Нету таких, не проинюват.

— Может быть, по учетным карточкам поискать!..

И пока ребята из горкома роются в карточках и заходят в райкомы, я внимательно рассматриваю Макара.

Одет он в черный свитер и в черный шевелютовый костюмчик, который ему слегка тесноват в плечах. На ногах парнишканище, ободранные кирзовые сапоги, но крепкие еще, на много верст хватит. Он сидит, перебирает келку короткими сильными пальцами и жадно, трезвательно расспрашивает, что идет в кинотеатр, часто ли тамца бывают в клубы, какие показывают спектакли — постановки, как он называет. Составляется, как изголодавшийся он хотя бы по плонхонному кино в отряде, где элктриничность, и того нет.

— Попозже к вам сидим,— вздыхает Макара.— Ишо там работам на месяц, а там уж на другое какое место дабы.

И снова наивные выдвывает, в какой ему кинотеатр лучше пойти, где он найдет Зою и передаст, что велено.

— Нет такой на учете,— говорит, возвращаясь, товарищ и задумчиво трет подбородок, как бы

проверяя, хорошо ли он выбрит.— Не успела стать, видно... Знаешь,— оборачивается он ко мне,— помоги-ка ему, а! Береги машину и езжайте прямо по институтам. В приванных комсомолках должны быть списки абитуриентов...

И вот мы сидим в горкомовском комсомоле, и за стеклами пролипают одна за другой улицы Мурманска.

В институтах такой нет.

— Как же так нет? — недоумевает Макара.— А может, в техникуму она решила!..

И снова тянутся лодные тротуары, мелькают кинотеатры, витрины магазинов.

Белый тактильный шофер, слышавшийших наших разговоров, спрашивает:

— Она кто же тебе будешь? Невеста?

— Какая там невеста! — отмахивается Макара.— Зоюшка! Поварика неша! Невеста! Кабы невеста, знал бы и искать ее где да как.

Один техникум, другой, третий... У меня уже начинает рябить в глазах от бесконечных списков.

— А может, она и не в Мурманске уехала, а в Москву! — спустя час снова вступает в наш разговор водитель.

— В Москву! Кто же ее знает... Может быть, и в Москву двена лиха...

— Так что, ругайте в Москву! — с ехидцей интересуется шофер.

Макара озабоченно взглядывает на часы, с сожалением косится на рекламу нового фильма, качает головой и говорит со вздохом:

— Не... на вокзал. Вышло время.

— На вокзал мы заходим в бюро, съедаем по паре сосисок и спешим на перрону: поезд давно подошел к перрону.

— Да,— вспоминаю я совет товарища— кстати, зачем ты на Севере?

— У-у! Да вот, жижу... Макара рассевонно шурит, потом берет меня за плечико и мягко, вкрадчиво говорит: — Ты вот корреспондент, да! Ваза бы вот и начепатай, а! Про Зою-то, слышь! Чьо она адрес прислала. А ты ишю вот куда едешь!..

Поезд несильно, без гудка трогается. Макара стоит в тамбуле возле открытой двери, забыв на мгновение обо всем, обводит жадным взглядом севеда вокзала, мигание тусклых в солнечном свете реклам, все эти наплывы города, точно стертая напольная хотя бы надшасться воздухом цивилизации.

Архи-
тектор

За Вите-губой, когда уже открылась впереди темная, пенящаяся ширь Имандры и мы ухватились за борты, ожидая, что катер встряхнет, как машину на разбитой грунтовоке, лозвину которая вдруг резко переключил борть. Наш полуглиссер, не сбавляя хода, лег на борт, описал плавную бегую дугу и скопнулся между двух камней, словно стертый с лица земли уютную буточку.

У причала — три бревна, сваченные скобями,— покочивалась моторка с подвесным двигателем. Прямо вверх, к темной сторожке, прильпившейся у скалы, вела крутая, узкая тропка. Скала над бухтой показавалась мне на сосем обичной, но в лицо хлестала вода, и я толком не смог ничего рассмотреть.

— Чуть не забыл,— сказал мне капитан, оставившая мотор— Здесь архитектор живет. Николосский парен! Нужно тебе с ним познакомиться...

Один из моих спутников окрикнул рупором, худой и зачерпан, надсаживавшийся.

— Рыжик! Архитектор-оп! Архитектор-оп!

На пороге сторожки появился высокий, худой человек в ватнике, накинутом на плечи, глянул

щурсы, и металлополи сошел к нам по вырубленным в земле ступенькам. У него было узкое, бледное, как и у остальных, лицо с острым подбородком, вызвавшее торжественную бороденку.

— Шейтин, гидролог,— представился он, сунув в рот пустыню черную чубуком вина и протянув маленькую красную трубку, глядя мне в лицо внимательно-выжидающе.

— А почему вас называют архитектором?

— Исключительно из невежества. Вызывают как скульптора с людьми, а между тем различия между скульптурой и архитектурой.

— Скульптурное производство, выполненное из гипса, мрамора и других материалов, называется скульптурой,— объяснил он все так же серьезно и доброжелательно.

Мои спутники стояли тут же и внимательно, с уважением прислушались к разговору. Только у капитана были опущены глаза и этот разговор длился угрюмо рты. Я понял: разговаривают...

— Прощу!— Аркадий повернулся боком, предлагая мне пройти вперед, и ткнул куда-то вперед мундштуком трубки.— Мои мастера...

Я двоякозначно полагал голову.— Браню меня невольно пошел вперед: скала была обработана. Собственно, это уже была не скала, а действительно законченная скульптура—лицо девушки, чье ледяное и хрупкое очертание различало косую прядь волос, пересекавшую лоб, полураскрытые, обращенные вниз наши головы, и Имандры глаза, намечен был нос и уголки рта. Девушка как бы смотрела вдаль, на остывающие из воды снежинки Хибины, словно бы шуршала от ветра и бьющего в лицо солнца.

Я поднялся на ровную песчаную площадку у основания и потрогал скалу. Поверхность извещала была шероховатой и хрупкой следы какого-то инструмента. Тут же аялакс и сам инструмент— большое зубило с согнутым лезвием рядом с полуполудюймовой кувалдой на короткой отпорованной ручке.

Мой творческий метод очень прост,— продолжал объяснения Аркадий.— Сначала я пользовался аялаксом. Аялакс я вырубал на рыбу у зарывков на карьере. Но во время работы из аялакса вылетали камни, а аялакс расщеплялся, и пришлось снимать дополнительные слои. От аялакса теперь отказался. Работа будет называться «Инга».

— Почему Инга?

— Не знаю. Мне нравится это имя. Прислушайтесь: Инга, Инг-га... Как обожающей женщины, или тебе тоже venit Инг-га... Слышите?

Я снова взглянул на скалу. Не знаю, насколько хороша была скульптура, но она поражала своими размерами: метров пятнадцать в высоту, около десяти в ширину.

— А сколько времени вы работали над этим?— спросил я, оборачиваясь к Аркадию.

— Все жизнь и еще два лета,— сказал он, скромно опуская глаза и довольно оживив бороденку. Впрочем, с него тут же слетела маска заднего эстетизма, и он взглянул на меня со слезами восторженной и легкой улыбки.

— Ну, а кому это нуиню?

Аркадий пожал плечами.

— Не знаю. Наверно, прежде всего мне.

— И мне,— поклонившись, ткнул мне в плечо. — За теми словами сказано: «катер» — Им-у... Им-у... И тебе тоже,— добавил он.

Потом мы сидели вокруг небольшого костра на площадке под скалой, кипит воду по очереди на единственном кружком, разговоры прожидки, пели студенческие и туристские песни под аккомпанемент гитары, на которой мастерски играл Аркадий.

Одну из песен я слышал впервые. Она начиналась так:

Ищи меня сегодня среди больших дорог,
За океаном на дальнем озере.
На сиянем перекрестке двенадцати ветров,
Под самой ненаглядною звездочкой...

Среди наших песен не было ни одной из тех дешевых псалмов, на которые мы иногда падали, среди наших разговоров не было словечка из того одного потающего слова, не было рассказано ни одного анекдота; над нашими головами, задумчиво шуршало, смотрела Инга на хрустально яркое, ослепительно чистые снеговые шапки Хибины.

... Не присылай мне писем, сама себя прислижи, ты опьяняющая моего сознания... И на южном побережье тоскующей земли Который год уже ждет тебя рассветы...

Засиделись мы по полночи. Ветер упал, темная вода Имандры будто уснула, стала гладкой и светлой, как отполированное зеркало. Солнышко, маленькое высидело над нами солнце и легкое белое облака раздвоились, потворились в воде— над застоявшимся катер ледяная, набрав скорость, по сонным и облакам.

Перед приходом в лагерь. На краю плоской площадки чернела неподвижная фигура Аркадия, чадил человек. Белая струйка дыма поднималась перед самым лицом Инги, обтекала нечеткие, размытые и словно бы ожившие ее черты, как будто жертвенный огонек курится перед новым божееством...

Божееством чего? Верности Или, наоборот, нехватки Тоски? Любви? Или всего лишь веры в Большую, честную, как хрустальные ледники Хибины, любовь?

Капитан сидел на корме, небрежно зажав под локтем руль, задумчиво смотрел вперед, напевал как бы про себя:

Когда качает полночь усталый материк.
И солнце собираю на допотоп.
Против его зовут на фьалгах юрораби.
Смотрю туману у твоего порога...

Я скорее угадывал, чем разбирая, слова этой странной, иногда прежде не слышанной песни и думал, что, наверное, капитан прав. Наверно, каждому из нас действительно нуиню, что гды-то у черта на куличиках, в избушке, прилежишей к скале, жил рыжеборотый чудак с побитым, в садных руках и чтобы скалы оборонялись иногда лицом женщины.

— Зачем он на Севере?— спросил я.

— Кто? Аркашка?.. А фиг его знает! Живет...

— Мишка-а, жми! Дави... Сазонов, сукни сын, навалился!.. Топай, Юрка! Давай-давай!..

Надо было слышать, как надавливающимся болельщикам надо было видеть, как солнышком брызгам зарывалась вода в небольшой рекушке на трассе корсоге. Надо было самому потоптаться на песчаном корсоге, куда высылал весь город, чтобы представить атмосферу этого спортивного воскресенья.

Человек сто— красивые, синие, белые майки— растянулись по огромному кругу. Болото, перелесок, корсогор, снова болотце. То один вытолкнул вперед, оторвал пальцы на десяти-пятнадцати метрах от группы лидеров, то другой. Каждое переключение вызвало насмешки, радость, возмущение, досадливый смех. И только при появлении одного из лидеров— красной майки, бежавшего под номером 35— болельщики замолкали.

Рядом со мной переговаривались:

— Ничего белит, спортсменский...

— Да нет, его тоже потянет... Слушайте, а кто это? Чего-то я его раньше не видел...

— Новенький, наверное...

И слышал: «Мишка-а! Жми-дави! Сазонов!».

После шестого круга вперед остались четверо, после седьмого— трое, вот и еще один начал шагать. Тут уж кто-то из болельщиков не выдержал— сбегая к судейскому столу, а вернувшись, сообщил:

— Тридцать пятый— с рудника, какой-то Смирнов, совсем недавно приехал, инженер, после инги...

И снова storm глаз приновался к этим двоим. Когда четирынадцатый Инга— Сазонов, несколько я понял,— выходил вперед, нарастал шум. Когда отрывался на несколько метров Смирнов, шум утихал.

Предпоследний круг... С четирынадцатой— маленького, плотного, в голубой майке— был пот. Чувствовалось, он бежит за последним сис и крики болельщиков— ему явная подмога. Смирнов же настороженное молчание толпы утешало. Пробегая мимо судейского стола, он упорно смотрел под ноги, и только жевачка ходила на острый свисток тренера.

Последний круг. Из-за перелеса появляется сначала красная майка, затем— голубая. Топла замедляет.

Последние сто метров. Четирынадцатый, сола, как паровоз, пересекает рекушку, взбирается на корсогор. За ним, все больше отставая, тридцать пятый.

И вот, когда победа Сазонова казалась уже бесспорной, над трассой взлетает высоко давний крик:

— И-горя! И-горя!!!— Как-то давничка в смысле тренировочном костюме и белых бегалке выскочил из толпы и приставляет от волнения стиснутыми кулаками.— И-го-ор-ль!

Тридцать пятый поднимает голову и тотчас идет вперед так, как будто только что дал старт. Топла взлет и замедляет: десять метров разрыва... пятый... ровно...

Пять метров разрыва, десять (красная вперед), пятнадцать... Финиш!

Взмах флага. Еще один взмах флага. Я практиковался в этом раньше и вижу Смирнова. Он идет. Медленно прохаживается, восстанавливая дыхание, потом поднимает голову и с вызовом, с каким-то гордым презрением смотрит на зрителей и меня и как бы останавливаясь чьих-то людей. И на какое-то мгновение тяжело впамятования, досада закончат для меня все впечатление этого яркого, праздничного дня: неужели же никто не подойдет к нему, не поздравит, неужели же пересидит обиде на то, что проиграл свой, а выиграл чужой!..

Я не успеваю даже подумать. Кто-то бисит с восхищением:

— Ну, гикант! Показал класс!— И тотчас слышу снова загораживают от меня Смирнова, и я вижу красную майку, взлетающую над толпой.

Качая Смирнова, потом— Сазонова. Потом оба постоили, обнимались, как бы не в силах без помощи друг друга удержаться на ногах, медленно пошли к машине, где была их одежда.

И тут я снова увидел девушку. Минюя Смирнова, она поблажила к его сопровнику, объяла, что-то быстро заговорил, смеясь. Смирнов растеряно посмотрел ей вслед, потом, заметив мой взгляд, усмехнулся и покачал головой.

— А я думаю, оно мне кричит,— негромко сказал он и снова усмехнулся.

Первое место в прессе занял Игорь Смирнов, команда рудника,— разнес на корсогор усиленным метафором голос судьи.— Второе место— Игорь Сазонов, обогащенный фабрика трети место...

— Оказываться, тезис,— проговорил Смирнов, кивая мне так, как если бы я был горчичи и меня, а не его нужно было приобидреть дружеским инициативным и похлопыванием по плечу.

Потом ему вручили приз и снова качали. А он быстрое наземь, отступили: не потому, что он быстрое, просто пока еще не было у него другой, чуть пока еще не о чем было говорить с ним людям этого года.

— Зачем ты приехал на Север?— спросил я у Игоря после, проезжая его к автобусной остановке.

— На Север? Как зачем? Жить...

... На исходе ночь. Темный, чистый, светлый край лежит под бессонными лучами спойного солнца.

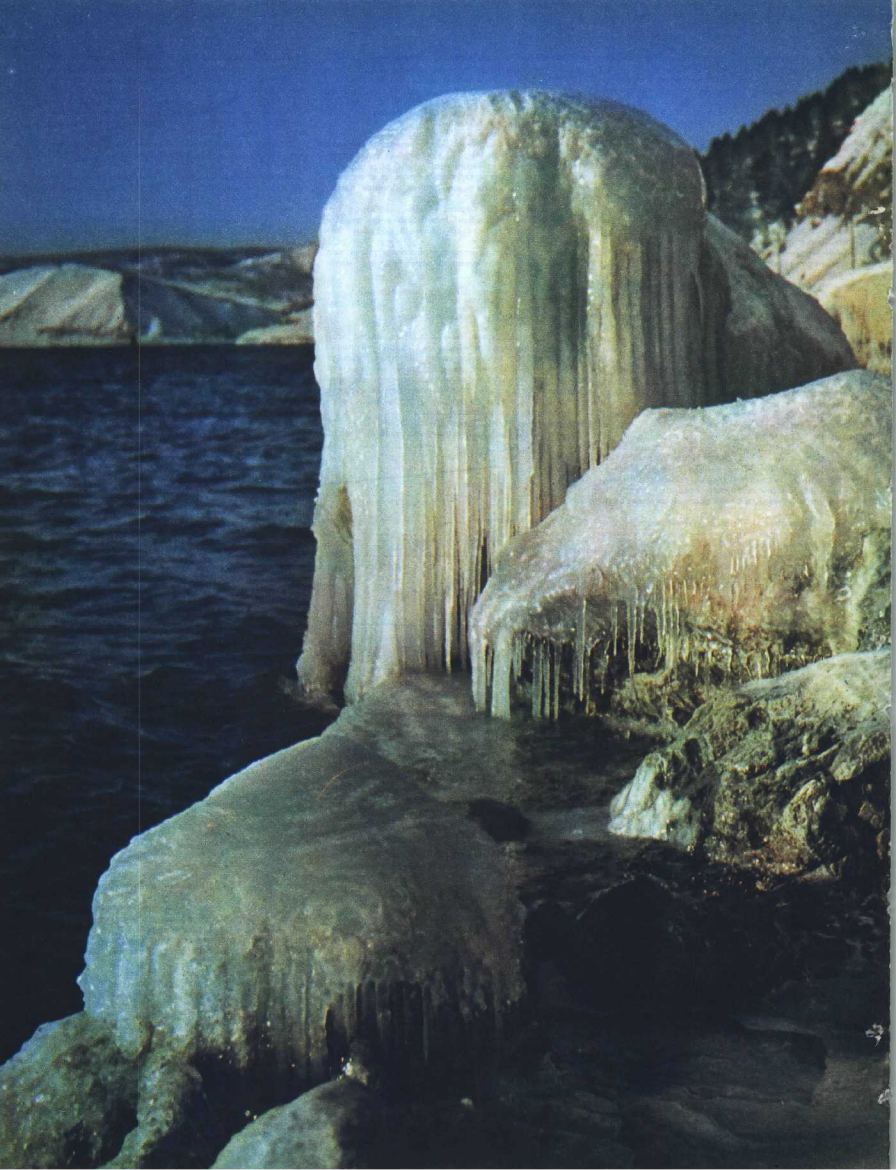
Мне сегодня уезжать. Совсем скоро подхватит сильный экспресс, из солнечной ночи взлетит в воздухе Карин; и мне придется с ним попутать по степкам косые струи случайного дождя, и повезет за много дней гланист с востока вечерняя звезда.

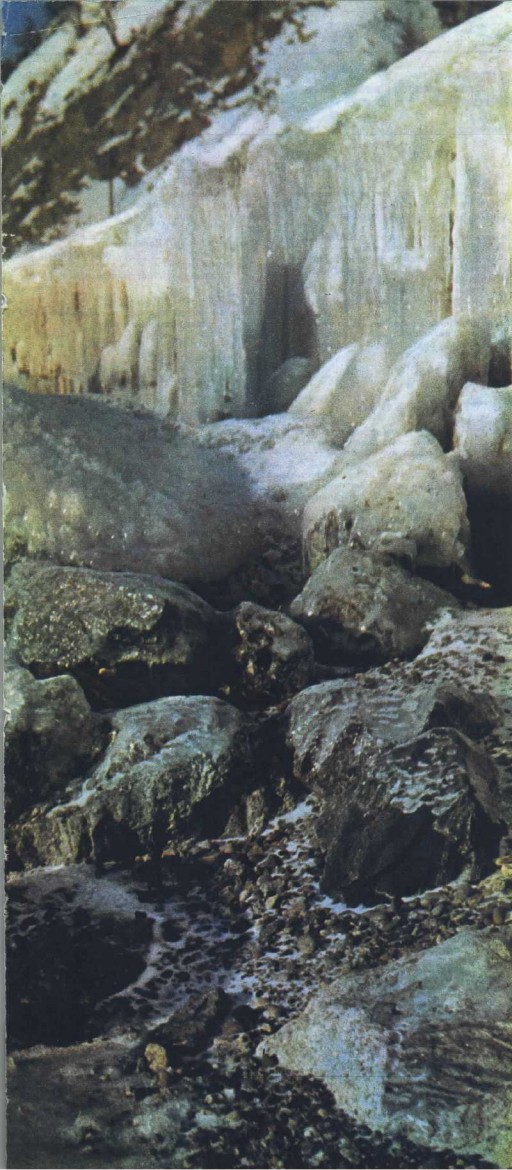
И когда-то еще побываешь здесь!

Мне грустно уезжать, грустно расставаться с этим краем, с этими людьми, которые выстроили здесь сверкающие белые горы, раскинули по скланистой, трудной земле мощные руны дорог, прижили к земле и к земле, и к земле и к земле берега сохранены и унылыми тепло и нежность к другим людям...

Люблю тебя, Север!

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ.

Текст Л. ХАНБЕКОВА

Фото А. ЛЕХМУСА

СЛАВНОЕ МОРЕ

Люди издавна начали изучать повадки Байкала. Тысячи загадок таит он в себе, многие из них изучены, но некоторые и по сей день представляют собой большой, жизненно важный интерес.

Первое описание озера мы находим у русского посланника Н. Спафериа. Во второй половине XVII века он по пути в Китай побывал здесь. Более точную характеристику Байкала мы видим на «Европейской карте Сибири» С. Ремезова. Она датируется 1701 годом.

Шли годы. Специальные экспедиции направлялись на Байкал. Немало было и добровольцев, на месте решивших изучить это загадочное озеро.

О Байкале спорили, выдвигали ги-

...ЖИЗНЬ — ЭТО Э

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

Мысль и космос

Иосиф НОНЕШВИЛИ

Снова ветер в лицо —
так дышать мне свободней!
Посох странника вновь
в руки взял я сегодня.
Дописался строка,
а сердце снова бродит...

В мутные облака
самолет мой уходит.
Говорил мне: «Брось,
что тебе не сидится!»
Моя, поездишь пришлось,
время утомониться.
Моя, лечь на землю
да горн экономно,
а витать в облаках,
где-то даже неспрошено...

Но, скажете мне, что
есть прекрасней полета!
Вот уходит земля,
и поля,
и каш полотно,
от тучек отдыхает и шума,
в ней поют, как сирены,
смонья

и думаю...
Все, что было, — асей,
все, что будет, — туманно.
Самолет,
как мгла,
входит в грудь урагана,
ураган отстает,
воет в бешенстве позднем...
И звезда угольная
тлеет в небе маршем.
Быть с пространством на тьме,
быть в плену ожиданий!
Мир
с такой высоты —
мир без слез и страданий,
без предательства,
измен
и без бесчестия всякий.
И кажется радость —
Мостик вискачи...
Наша жизнь — только путь,
путь он будет хоть Млечным.
И Вселенная
кружит в дивенки вечно.
Что ж, в дороге, мечта,
и долой призрачные!
Я живу,
ибо жизнь —
это значит
дивненье!

Перевод Вл. ЛУГОВОГО

Мысль по Земле скользит волной тумана.
Одна струсит по горизонту,
Другая ввысь стремится постоянно.

След, устремленный вертикально в небо,
Пожох на очертанья пирамиды —
Таинственной, тревожной, бесконечной.

И обелски срывается стрелю,
Но острее его без завершения.
И нам не терпится его продолжить.

А мысль, летящая горизонтально,
В колону воплощается, припадает
К Земле, как будто матери младенец.

А также воплощается в округность,
В громадную арку Коллеза
И в санный круг, проложенный по снегу.

А дальше — в Космос. Дальше — в
бесконечность.
Быть может, по параболе,
А может, по линии крыла летящей птицы.

Протянется гипербола и ляжет
Тончайшей иголкой, ведущей к звездам,
Тончайшей связью Космоса и мысли.

Перевод С. КУНЬЕВА

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Советский рубль

У тебя в незатейливой банке
из-под самых дешевых конфет
громыхают старинной чеканки
два десятка тямельных монет.
Но банкир, не финансовый гений,
ты безмерно богат, нумизмат:
два десятка отборных сравнений
у тебя на ладони лежат.
Вот свидетелем древности горной,
на застывшую слезу похож,
зеленее в ладу с поговоркой
в самом деле обончанный грош.
Вот свидетелем древности горной,
на народной крови разндрив,
то орел очернется лютю,
то зловеще бросается лев.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

Мерзлота

Я живу на вечной мерзлоте,
в тесноте,
в ташной простоте.
Солнце восходит за моей палаткой,
чтоб весь день качаться на кусте
и за мной следить горячим глазом —
жив ли я,
могу ли еще идти,
чтоб не все прегадти, но и сразу
представали на моем пути.
Я иду по вечной мерзлоте,
по горячей плоскости планеты,
по болотам,
как по той черте,

Эту грудю дешевого блеска
отодвинув ладонь ребром,
я любуюсь особенно веским,
нашим новым чеканным рублем.
Вот он лег, незатейливо молод,
и на нем не зеринке войны —
просто серп отчеканен и молот
и колесца монном сведены.
Он, конечно, и золотом дорог,
только людям дороже всего,
что становится хлеб, а не порох
золотым содержимым его.
Оттого и горды от души мы,
потому и бесценно велики
шестеренки рабочей машины
полновесный и звонкий двойник.

где живут без ссор зима и лето.
Я лопатой руну их союз,
выпуская маршалу наружу
и чистю заделю —
тороплюсь
заглянуть в ее noctию душу.
Что она там, в глубине,
хранил,
где огонь и лед рождают руды!
Солнце светит —
плавится гранит.
Мерзлота оттаивает трудно —
под киркою на весь мир гремит.

Рыгор БОРОДУЛИН

Из крылатой семьи

Из крылатой семьи
Я — дублер космополита,
Оторвался «Восток» от Земли,
От своих оторвался раскатов.
Гром мой дом — космодром.
Вечность!
Вечная ручка мерцает пером —
Обтекательной формы ракета.
Материнские руки пою
И каленую в донах рыбину.
Спору ль выведу в свою
Песню тую на орбиту!
На орбиту! От самого сердца.
На орбиту! Под самое Солнце.

Авторизованный перевод
И. ШЛЯКЕРСКОГО

Виктор ПАРФЕНТЬЕВ

Партийность — наш полет
Наш беспосадочный полет!
Партийность не национальность
И с кровью вряд ли передейт.
Мы правоту свою делаем
И жизнью доказываем долены,
Чтобы были сыновья сынами
И нашим и всей страны.

СЛАВНОЕ МОРЕ

позезы, опровергали скоропалительные
выводы. В исследованиях принимали
участие И. Черской, В. Обручев,
Б. Дибовский, А. Чекановский,
Ф. Дринкено, А. Коротких...

Но планомерные, комплексные работы
по изучению сего Байкала на-

Редс «Верецагица» заканчивается.
Началась экспедиция А. Руденко и
капитан судна Н. Данцловцев до-
вольны результатами совместной ра-
боты.

НАЧИТ ДВИЖЕНИЕ!

Владимир КОСТОВ

Монтажникам Кемерововского химвкомбината

Ветрами зуральскими отмыты,
столы,
и серебристы и стройны,
колонны, как сверхдальние ракеты,
в градусе мкры устрелены.
И вижу я:
без пласности несущих,
без выхлопов, рвущих в пустоту,
монтажники в борьбе за хлеб
насущенный,

как космонасты, рвутся в высоту.
Пусть хлами придет из поля
ломась, как снег, светло и благодатно.
Я знаю: отзовется благодарно
тяжелая и трудная земля.
Мы стройм, пашем, валм хрусткий
лес,
боромем над военными уставами.
Монтажники, как пахари усталые,
на землю опускаются с небес.

Илья ФОНЯКОВ

О душе

1
Не звал я попов на свете,
Никогда не зурлил молитв.
Но души еси нет,
Что ж тогда у меня болит!

Вот сжимается, холодеет,
Вот бунтует, не зная мер...
Разве может болеть идея
Или выдумка, например!

Неспроста, вероятно, все же,
Всесоюзно дела верша,
Сам ЦК никогда не может
Обойтись без слова «душа».

Что ж за хитрая это штука,
Где жилище зо мне нашло!
Или нынешняя наука
Впрямь чего-то недоушла!

В сотнях справочников проверьте,
Опровергните сорок раз,
Я физически —
Ощущаю ее сейчас...

Лев ТИМОФЕЕВ

Покоя не хватает мне, покоя —
все жду услышать дальше:
«По коныам!»

Откуда эта мысль взысла во ание!
Я никогда не взрил на кове.

Быть может, это у меня последственное
от конармейских взводов!
Или здоровье у меня посредственное
и нужен отдых!

Но мой сосед-экономист,
замыка, острова, его тайга, он сам —
особая маленькая страна со своим
климатом, своей флорой и фауной,
своими обычаями.
Здесь удивительная вода. Летом
она так прозрачна, что через ос-

2
Лепту в храмах с тирами взимают
Благочинные трогаши.
— Позабьтесь, — они зывают, —
О бесельтерье своей души!

Ишь, как действуют словесам —
И расчитано и умно!
Ну, а мы
за бесельтерье сами,
С той поправкой, что оно

Обретается не в моленьях,
Не в глазении на люют,
Не в стоянии на коленах
День за днем и за годом год.

Что-то в мире оставить надо,
Чтобы люди
и делам спеша,
Даже с первого, мельком, взгляда
Признавали: — Здесь есть душа!

...Тихо в мире. Светло и звездно.
Вызывает рассвет в тиши.
Позабьтесь, друзья, серьезно
О бесельтерье своей души!

* * *

«А я все жду услышать: «По машинам!»
Поверишь ли, ночам проспись!»

Как видно, время выдалось такое —
не до покоя нам, не до покоя,
а что если по боевой готовности
без нас,
без нас легко поднимут роты!

Конечно, у меня своя работа,
но как мне быть тогда
с моею совестью..

Ты просишь у судьбы своей: «Поконь...»
А мне все чаще слышится:
«По ко-о-оньям!»

Владимир ПАВЛИНОВ

Новышленная проходимость

В гостинице места промуерованные.
В гостинице живут командированные.
На окнах — полинялые гардины,
На серых стенах — сияющие картины,
На тумбочке стоит графин с водою,
Сосед во сне трясет башкой седою.
Я изнуру работу бессонной
И вот живу в гостинице радостной.
Перед окном, у армича с гуслями —
Мой «ЗИЛ» с трамвядующими осами.
Его конец замучила дорога,
Ему бы тоже отдохнуть немного...
Итак, мы третьи сутки отдыхаем,
Прохладный воздух с жадностью вдыхаем.
В саду шумит листва, цветет гвоздика,
Я мою «ЗИЛ» водою из арника.
Но взлетит нордфорналь, заявет:
— Начальник вас в разведку вызывает!
Эной — пятьдесят, и с ветром нету сада,
Но мы не спорим: надо, значит, надо.
Уж коня есть на то необходимость,
У нас — повышленная проходимость.
Кругом — барханы, камыды, как засада,
Но мы пройдем, ведь нам сказали: надо.
А с неба пламя бьет, барханы плава,
Но если надо, мы пройдем сквозь пламя.
Нам никакая не страшна преграда.
Везде пройдем, когда нам скажут: надо.
Когда придет на то необходимость,
У нас — повышленная проходимость!

Григорий ГЛАЗОВ

В метро

Шумит подземной станцик метро.
Квадрат часов секунды расчерпан.
И — человек в буденовке!

В метро!
Вошел в вагон и развернул
«Вечерку».

Буденовка в метро!
Смещенья времени!
Над чолками,
над модницам,
тут!

Горячие позыванные стремени
и слышны сквозя колесный перестук.
Насется поезд,
Мягкие диваны.

Тутте сквозизны в окне гудают.
Для темноконных зловидца на Гаваны
на старую буденову глядят.
Им знать о ней доподлинное надо,
что за покорь,

откуда эта боль...
Поведай им, световская «Гренада»,
про паренька, упавшего в ковыль...

чались только в наши дни. Из Лимнологической станции в Ливиньяне, приоткрылся у самой воды, был создан институт с просторными, правосходно оснащеними лабораториями. Со своим флотом. С музеем, которому может позавидовать любой большой город. Словом, вырос научно-исследовательский центр.

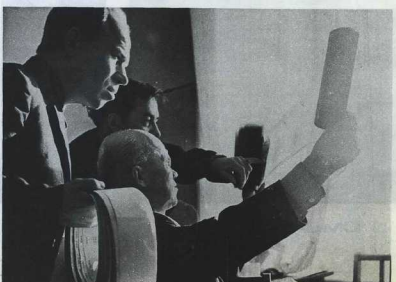
Неповышенный может спросить, почему столько внимания оказывалось этому острову. Больше, чем любому другому. Разве Исынь-Куль или Севан не вызывают интереса!

Байкал уникален. Его побережье, заповед, острова, его тайга, он сам — особая маленькая страна со своим климатом, своей флорой и фауной, своими обычаями.

Здесь удивительная вода. Летом она так прозрачна, что через ос-

роумую ее толщу можно разглядеть достоинство брошенной на дно монеты. Зимой прозрачность воды не следует лед. Байкал встает так спокойной, что огромные площади остаются ровными и прозрачными, как стекло. Представьте себе стекло толщиной в два метра, а то и четыре метра! Вблизи берега, где рыба проходит на небольшой глубине, особенно бычки (по-местному «широкотелые»), через лед можно наблюдать за их жизнью. Естественно, ходить по такому льду непривычному человеку

Перфокарта помогает научным сотрудникам В. Сосольникову, Л. Галкину и М. Шимараву «увидеть» направление течений в южной части озера.

СЛАВНОЕ МОРЕ

страшно. Под ногами словно тонкая пленка.

На Барагах озера солнечных дней чуть больше, чем... на Кавказе. В июльский зной, когда в двадцати шагах от Байкала жара, едва успеваешь смахивать пот. Но, сделав шаг-другой к воде, оказываешься в блаженной прохладе. Подходить к самому берегу уже не стоит — там свежесть поздней осени.

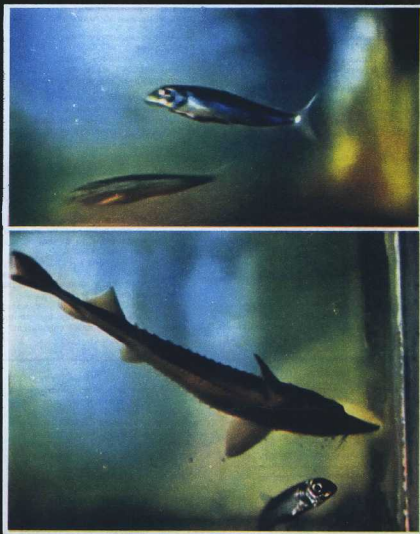
Особые на Байкале и ветры. Баргузин, верховик, горный, сарма, низовка, хус, шелоник. У каждого ветра свой характер, свои приметы, своя сила.

Какова скорость течений Байкала? На этот вопрос участниками экспедиции научно-исследовательского судна «Верещагин» помогает ответить автоматическая буйковая станция.

Молодые инженеры Ю. Прохоренко и Г. Толкаченко впервые с помощью прибора исследуют прозрачность байкальской воды.

В музее Лимнологического института Сибирского отделения Академии наук СССР собрана уникальная коллекция животного и растительного мира Байкала.

Знаменитые омули и осотр.

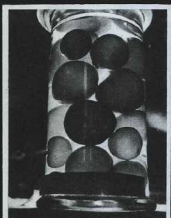
Случаются землетрясения. Они «скрывают» по масштабам и баллам, но восточный берег до сих пор опускается под воду, а западный — кое-где поднимается. Здесь есть глубины, до которых еще не добрались не только исследователи, но даже приборы. А животный и растительный мир так богат и разнообразен, что, назвав уже почти 1 300 видов животных и растений, ученые Лимнологического института еще долго, очевидно, не решатся подвести черту. Тем более, что больше половины животных, например, водится только в Байкале. То же и с рыбами. Об омуля, необыкновенной его красоте и вкусе, знают все, а вот о голомянке, глубоководной живородящей рыбке, мало кто слышал. Эта рыбка, в шторм выброшенная на берег, «гавкает» до гонимого хрящевидного хребта. Чешуи у нее нет. В народе о ней говорят: «всас из жира». Жир этот — ценное лекарственное сырье.

Куда ни поглядишь,— удивисьшь...

О повадках животных и рыб, их интереснейших «биографиях» и любительной многовековой родословной рассказывает известному французскому путешественнику Мажове ихтиолог Ж. Черкляк (слева).

В горах — великолепный байкальский мрамор, известная всему миру слюда, занявший изрядную долю байкальской сиены лазурит. В тайге — баргузинский соболь и кедровые орехи, балка и роскошные ягодники. Зачерпнешь воды из родника — окажется целебной, 117 минеральных источников известны на Байкале. Недаром в переводе с тюркского «Байкал» означает «богатое озеро».

В последние годы по байкальским берегам прошли многочисленные туристские тропы. Непотворимая красота привлекает к себе путешественников из самых разных концов страны. Здесь все удивительно, все незабываемо: гранит вековых скал и чинность саранок в весеннем лесу, лиловая заметь багульника и гул осенних штормов. Байкал очаровывает на всю жизнь. С нежностью и гордостью говорят о нем сибиряки: «Кто хоть раз пригубил байкальской воды, тот обязательно вернется за вторым глотком».

Водоросли.

Такие красивые бычки попадают в рыбачьи сети только в Байкале.

Гаммариды из семейства ранообразных.

Голомянки — живородящая рыба (мальки).

Нерест леща.

Со стр. 10

Паренек из Сестрорецка

Это случилось в июне 1942 года на Северо-Западном...

Волна за волной шли гитлеровцы в атаку на деревню Астрилово. Вернее, на блиндаж, прикрывавший дорогу. Он не давал развить намечавшийся прорыв.

Блиндаж охвачен был бешеным огнем, и уже многие добровольцы сложили свои горячие головы под огнем русского пулеметчика. Возможно, немцы были бы смелее, зная это, что целый батальон уже шесть часов воюет с одним человеком — двадцатипятилетним орденовцем комбрига Василия Славнова, сестрорецким комсомольцем Федей Чистковым.

Уже думая, что ему не уйти живым, он вытаскивает «Максима» на бруствер и бьет, что называется, прямой наводкой...

Но Феда выжил.

Слова о его подвиге облетела фронт. Корреспонденты армейской газеты «На разгром вараз» Михаил Светлов и Борис Бялик разсылали Чисткова.

Он никак не походил на героя — веселый, насмешливый, совсем еще мальчишка. Это об этой встрече строки-воспоминания Светлова:

Мы научились точно козырять,
Ты на войне солдат, а не посредник,
А вот сейчас усердия не трать,
Я не майор, а просто собеседник...

Узнав, что перед ним автор «Катович», он подскочил обрадовался:

— Неужели это вы написали! Спасибо вам! Это же как я любил читать!
Долго ходил поэт под впечатлением встречи, улыбаясь, молчал, а потом протрянул товарищам лист бумаги:

— Песня о 44-й бригаде Василия Славнова и о Феде здесь сказано.

«Зарыво новых, победных боев уже полыхает над ним...»

Песню заплели.

А Феда не стало... В одном из тяжелых боев он принял пулю на себя, приравняв врага.

Прошло двадцать лет. Светлов встретился с Бяликом:

— Слушай! О Феде нельзя не написать! Это преступление! Попробуй...

— Попробуй. Только полюбуй и ты...

— Я уже делал наброски. Хочу написать поэму. Он стоит этого.

В четвертом номере журнала «Юность» за 1962 год появился очерк Бялика. Сотни писем-откликов со всей страны шли в редакцию. Часть из них печаталась в шестом номере. Здесь же сообщалось: «Окончание следует». Окончанием должна была стать поэма Светлова.

И здесь — новый приступ болезни.

— За несколько дней до конца... — рассказывает Бялик, — я пришел к нему вместе с Василием Славновым. Миша умирал так же мужественно, как жил; умирал, зная, что умирает, но до конца видя, что не знает. Умирая Славнова, он сказал: «А я пишу стихи о Феде...» Когда он произнес это имя, его лицо засветилось...

На бумагу ложился строки:

Доверчивый ребенок не поймет,
Романтика подводит нас порою.
Не сбавя и не меч, в пулемет —
Вот верный спутник моего героя.

Первые комсомольцы Екатеринославля (1920 г.). В центре — М. Светлов.

М. Светлов в Берлине (1945 г.).

И пусть уже прошло немало лет,
Но, помянуты, как и все, старей,
Его прекрасный воинский билет
Я вижу в Третьяковской галерей.

Не Суриков его нарисовал,
[Что, может, тоже было бы неплохо],
Его нарисовал девятый вал,
Меня подышавший в уровень с эпохой...

Я до сих пор живу не как-нибудь,
Но все ж жертвою забвенья,
Я голову кладу тебе на грудь,
Мне слышится твоё сердцебиенье...

Никак не вмещалась в сознании Светлова эта смерть. Мучительно было писать о ней:

Двадцатилетие, ты очень далеко,
Но все ж светиться ты не перестал!
Покой: стихотворенно нелегко,
И потому оно коротким стало...

После смерти Светлова остались лишь первые наброски поэмы.

«Итальянец»

Световик германского командования при восьмой итальянской армии Типпельскирх сидел над чистым листом бумаги.

Как рассказать об этом!

Снега и снова перед его глазами вставала завьюженная дорога, вереницы запрошенных снегом людей, медленно бредущих по насту, проваливаясь в сугробы, падая, поднимаюсь. А у некоторых уже не было сил встать, и их скрюченные тела закидывала полевика среди брошенных грузовиков, танков, орудий...

Да, такое, как кошмарный сон, не забудешь. И Типпельскирх, осторожно выбирая слова, выводит:

«Наступающие через Дон русские войска всей силой своего удара обрушились на 8-ю итальянскую армию. Весь фронт прорван. Началась безостановочное отступление... Русские танки в нескольких местах вытеснили в оборону, так что централизованное управление было потеряно.

...Войска терпели асину выдержку и бежали в панике. Вскоре во фронте зияла брешь шириной 100 километров, которая оказалась решающее влияние и на положение группы армий «Юг»...

Шли в кошмарное невнимание, в пугру обесс-

ленные люди, и кто виновата трагедия этих тысяч и тысяч крестьян и рабочих Италки, брошенных в месорубку бойни пресмыкающихся перед «фюрером» дуче...

Тогда все это видел Светлов. И тогда недоумение и гнев родили строки:

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты не пошел!
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заломом!

Так родилось одно из лучших творений Светлова, вышедшее огромную гамму чувств, красок, мелодий.

Как-то я спросил его об истории «Итальянца». — Не знаю, — рассказывал Светлов, — много было тогда чувств. Сложных. Противоречивых. Во всяком случае, немалых не было. И это было странное чувство, хотя перед нами был враг. Я видел трагедию и хотел осмыслить ее по-человечески. Многое здесь вялело: видел Италию с детства для каждого ассоциируясь с чем угодно, только не с варварством и кровью.

И эти стоны убивали. И сознание нашей высшей правоты. И чувство возмездия — чью душу оно не жгло тогда! Все это составило сложный сплав раздумий.

Я как был размышлял вместе с читателем:

Я, убивший тебя под Моздокон,
Так мечтал о пушине далеком!
Как я грешил на волюском полове
Хоть разок прокатиться в голде!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Светлов рассказывал, а передо мной снова вставали мучные дороги войны, по которым шли ярдом горячи, боль и справедливость.

...Я не дам свою Родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Типпельскирх и Светлов ничего не знали друг о друге. И оба они рассказали о трагедии. Один — с холодным презрением, другой — со священной чувств человека, умеющего понимать и жалеть, но не имеющего права опустить оружие.

— Это только кажется, что гуманизм — легкое, простое понятие. В трудных обстоятельствах души человека или, порой налетевшей цепной дробью право людей защищать его принципы.

Второе рождение песни

Из «радиорубки», как ее называли в периодическую учебное купе вагона, где принимали сообщения ТАСС, выслушала радистка Катя Иванова. Размалена последней свободой, она, сияющая, появилась в дверях секретарского купе. — Каховку взяли!..

Газетчик душно недовольно. Галочкин пять минут секретаря редакции Савельева вызвал по коммутатору армейской газету. Добиться армейцы были трудно, но вот наконец в трубку послышался знакомый, с хрипотцой голос Светлова: — Ты что ирку мечешь, старик! — Михаил Каховку взяли!.. — Опоздал Ми уже занавесом... — Мишка, ты не можешь, ты должен написать новый текст «Ахавки»! Ну кому, как не тебе...

— А когда тебе нужно? — Когда! Сейчас! В номер! — Ты сошел с ума, и это совершенно точно. То-то я думаю, у тебя голова подгоревшая... — Я не ушаю, Михаил Нужной Поим, нужной! — Не могу я так... — И слушать ничего не хочу. Через два часа буду звонить. Савельев повесил трубку. Ровно через два часа Светлов позвонил сам. — Слушай, старик, я тут кое-что набрассал... — Дистуй, я засыкаю!

Одна за другой ложился на набрассанную по дурку листе строки:

Украинский ветер шумит над полянами,
Кивают листовой тополь,
Каховка, Каховка, ты вновь перед нами,
Родная земля змья.
Ветри шли через горы, леса и долины,
Прошли через борг батарей.
Связь смерть мы пробилась...
Встречай, Украина,
Своих дорогих сыночек.

Трубка замолчала...
— Ты что?...
— Получился?...
— Дистуй дальше.
— Тогда слушай... Принте:

Под солнцем горячим,
Под ночью спящей
Прошли мы большие пути.
Гречи, маша вправо
Вперед, бронезод,
На запад, на запад лети!..

Наутро вновь рожденная «Каховка» появилась в газете...

Огоньки

Художник Игин жил в Новых Черемушках. На балконе его квартиры висел спастельный круг, подвешенный кая-то из коржков. — Ми шли и немур ранним зимним вечером. Морозило. Снег покружвал под ногами. Теплою, домашняя уютно веяло от освещенных окон. Показывая на балкон со спастельным кругом, Светлов сказал:

— Мне сейчас почему-то вспоминались «Огоньки» Короленко. Поминши, плывет гутник по угрюмой сибирской реке. И на повороте река, вперед под танки горам, мелькнул огонек. Мелькнул уютно, сильно, совсем близко. Гребца налегает на весла, а огонек не приближается. Отлично сказал Короленко: свойство этих ночных огоньков — приближаясь, побегать танку и свертать, и общаться, и манить своею близостью. А жизнь твоя, а огни еще далеко. И опать приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки вперед огни!.. Наверное, в поэзии так же. Черт его знает, где твои «огоньки» стихотворение. Всегда кажется, где-то вперед. А может быть, поэды, ад может быть, и слыть-то не стоит! Нет, стоит! Никто из нас не знает, на что он способен завтра. Вот без веры жить трудно. И еще... — он

чему-то улыбнулся, — что тебя хоть чуть-чуть любил... А это хорошо... — хорошо, когда на квартире — спастельный круг. Очень хорошей! Смутными были эти ассоциации. Но где-то в душе я покаял вот: он говорил, наверное, и о том, что включает друга, и о том, что несут люба стики.

В профессии «романтик»...

«Сердце раскрывает красоту» — так назвал он свою статью в «Комсомольской правде».

«Я убежден», — говорил в ней Светлов, — что в коммунизме будет жить только поэты!»

Сотни писем — ответная душевная волна — легли на редакционный стол. Писали резное:

«Почему некоторые люди ищут очень неприятного? Потому что они не умеют мечтать. Когда я еще учился в школе, спрашивала себя в дневнике: «Почему ЧИ я смогу сделать для государства о том, какую пользу смогу принести людям, и выработать себе профессию». Окончив фельдшерскую школу и из всех предложенных типов выбрала дальний Восток: «Что же значило бы для этой страны? — спросила комиссия по распределению кадров. «Ничего». Да, конечно, край желания работать там, где ты больше нужен.

И вот далеко подалее остался перрон, а на нем заплясавшая мама и все близкие. Дорогие люди. Поезд стучит, стучит. Что ждало вперед? А вперед ждала любимая работа и много трудных, даже горьких минут.

Недавно исполнился год, как я работу здесь. Это самый трудный год в моей жизни. Но никогда не почувствовала ощущение счастья. Мне счастье прочнее. Это любовь и своей работе. В ней все поэзия моей жизни. И не потому, что работа дает средства к существованию, а потому, что она помогает мне делать людям полезное. Она вносит содержание в мою жизнь, делает ее красивой. Иногда хочется выскочить из жизни, как-то кончается обнять и сказать ему: «Общая жизнь ира-сия!»

Галина Литанова.

Другие растерянно спрашивали:

«Дайте совет!»
Мне 23 года. Прошло уже пять лет, как я окончил среднюю школу. С давних пор хотела быть врачом. Пару лет тому когда я не могла поступить в институт без стажа, я не отказалась. На третий год я получила докторку по одному из предметов, а на спелующий срок не набрала очков. Я работала по медицинской специальности с санитарной инвизией. Впервые в жизни я стала не сдать в институт. «сплва» в жизни стала работать в мануфактура с бумагами. Работе об этом я и мечтаю!

О какой же увлеченности в работе может быть речь? Я не знаю! Нет, предать прошу мне поговорить, что делать. Ведь эти «сдвиги» могут продолжаться бесконечно. Я, конечно, буду еще и еще сваять, но совсем не смеюсь. И очень хочется услышать совет, как сейчас мне построить свою жизнь. Начинаю за грустное письмо.

Валя Филиппова.

Светлов прочитал письмо Вали. — В таких случаях очень трудно советовать. Но счастье в подходе никто не принесет. Я бы ей сказал: круто ломай жизнь!

— Хватит ли характера? — Аз дамбулю, потом добавил: — В жизни нужно умею шагнуть за порог... Потом добавил: — В профессии «романтик» больше обязанностей, чем прав.

Заниска на столе

«Вы просили меня ответить на анкету. Никогда не любил анкет. Никто не знает, как быть счастливым».

По-моему, просто нужно очень любить жизнь, не кричать о мировой катастрофе, если встретишь плохого человека или подождать, зная, что полез. И еще чуточку любить стики.

Михаил Светлов.

«Никто от боя не уединился...»

— Откуда злот? — Из «Комсомольской правды». Очень простом, Михаил Аркадьевич! — Но я же не один! — Другое дело, конечно. Но нам хочется, что-

бы сейчас выступили именно вы. Вы же наш, комсомольский человек.

— Голос в трубку добрей. — Ну ладно. Приезжайте послушать. Что мне, черти, с вами делать! Все равно ведь не откажетесь!..

— Не откажемся, Михаил Аркадьевич, — бодро соглашались мы.

И через два дня он диктует: — Человек и песня. Для меня сочетание этих слов звучит так же, как симфония, как восторг. Песня — наш фанфарист в светлые дни радости. Мы принимаем к ней, как к единственному другу, когда нас находят грусть. А в бою песня встает комиссаром перед самым передним окопом.

Раньше свои комсомольские собрания мы начинали и кончали песней. И песня для нас не была просто мелодией и набором слов. Она была творственной клеткой, которую иной раз можно было «вслушать» вместо доклада и «принять» вместо постановления. Уверен, что революционная песня по-прежнему должна состоять на учете у комсомола!

Комсомол и Светлов — они неразделимы. Это мы, озабоченные его юность высоким огнем борьбы, посвященными строки последнего стихотворения Светлова «Александр Жаруво»:

...Никто от боя не уединился.
Никто не паст и разу не ушел.
В те года на Позини женился
Ну право по уши влюбленный!

Комсомол!
В искусстве быть всегда во всем веселым!
С тобой мы всегда делаем простой —

Серебряной свадьба с Комсомолом
Ведет поэта к свадьбе злотой...
И в твою являю я помон женой —

острой —
В твою ладонь вложить мою ладонь,
И пусть они обнимутся, как стрелы...

Моя «граната» в твою «гармонию».

«Обычно он долго отказывался писать статью (объ какой критике. А потом, почитать не любил), но, видимо, комсомольская душа его делалась наконец под итиском родной для него «Комсомольки». Осенью 1962 года он много и охотно писал для нее. Вернее, делал наброски, потом диктовал. Так появились его статьи «Мы, как всегда, поднимем песню», «Поэт-гражданин (перед совещанием молодых писателей) и другие. Но и здесь он оставался поэтом прежде всего, яростно восставая против «обязательств» к случаю фраз, эсхизиднал, подтрунивал и все предвещая в конце концов перетвертвал по-своему, по-светловски...»

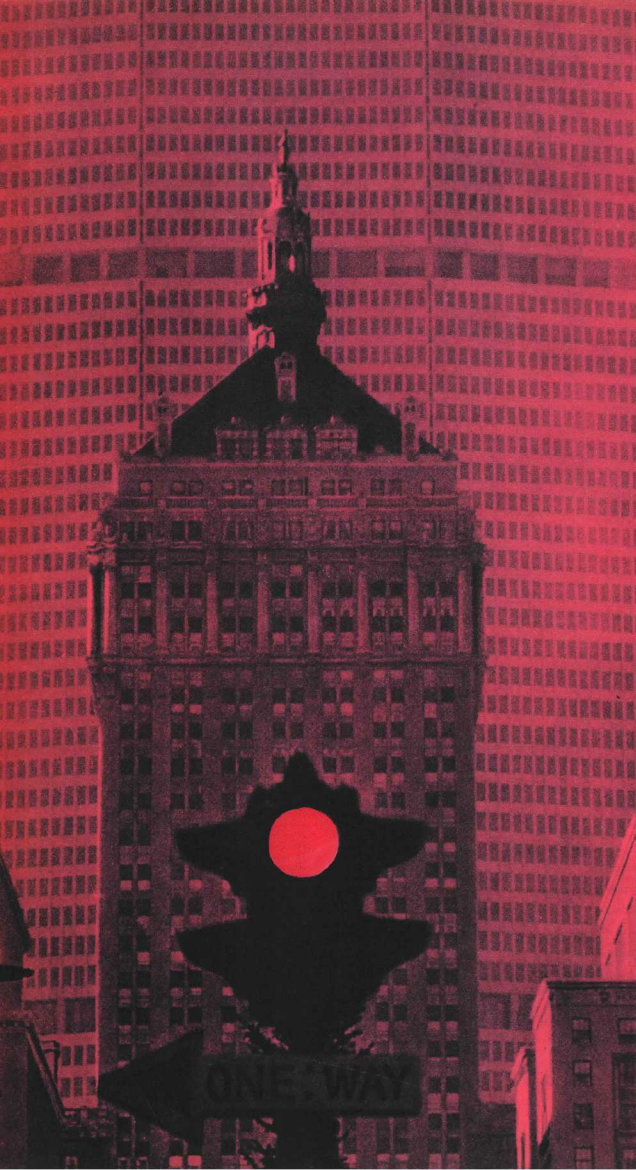
Жизнь он тогда еще в процессе Художественного театра. Приехал по поручению редакции, а нервничал: статью нужно было засылать в набор сегодня же, а он упрямо твердил: — Нет, все это что-то не то!.. Давай еще по-смотри.

И снова диктовал: — Высшее счастье для поэта, когда его хорошо знают. Знают многие. Причем не скандальной социологической известностью, а через признание его поэзии как близкого друга, лично дорого, без которого нельзя обойтись. Есть же, право, такая поэзия. Представьте, вы проследите за утром, а вы нет. Вы почувствуете себя обокраденным. Настолько беднее станет мир!..

И добавил: — Мне всегда хотелось быть причастным к такой поэзии.

Ну как-то грех обижаться, Михаил Аркадьевич! Помните, выступая, вы забыли строку. Вам весь стадион подкашывал. Я уже на говорю о «Каховке» и «Гранад». — Но вы же здесь обижались не на обижательность! — Он расселся. — Важно не писать одиозно или никому не нужных версий. В этом главное. А еще мне хочется, не знаю удобно ли, зная, что написать!

Диктовал: — А еще мне хочется, чтобы после моей смерти кому-нибудь на земле стало грустно. И чтобы этот кто-нибудь сиял с полки томика Светлова и молча посылал его...

СИТИ СВЯТАЯ МАРИИ

Американская мозаика

**А. ГОЛУБЕВ,
Б. КРАВЕСКИЙ,**
специальные
корреспонденты
«Смены»

Обыкновенный город

Ненормованную столицу Америки трудно назвать красивейшим городом в мире, но впечатлюющим — можно. Ничего, кроме чувства зависти, не вызывает идеальная планировка центра: авеню — «доль», стрит — поперек. Десять минут — и вы ориентируетесь в Манхэттене лучше, чем в подмосковной Малеевке. Но в этом геометрическом рае несутся удивительный водоворот, в который, хотите или не хотите, вас засасывает, как только вы покидаете подъезд своего отеля. Одна черта сразу бросается в глаза на улицах Нью-Йорка: полное безучастие друг к другу, абсолютное отсутствие внимания. Впрочем, в разной степени эта черта присуща всем городам-гигантам, но только в Нью-Йорке она становится определяющей.

Недаром Манхэттен, сердце Нью-Йорка, называют Батареей. Что это есть в нем от хорошо заряженного аккумулятора с пластинками-домами и элентролитом-топой, насыщающим тонким высоким напряжением город, размазавшийся на сотню миль. Ибо и Нью-Йорку, как молочные поросята и матушки, пришлось достичь одинаковых городков. Ньюйоркцами называют себя и жители Стенфорда и пятьдесят миль от городской черты в противоположных концах.

почему Кларк найдет себе другого друга, и... начиная все сначала. Мой Амур Кипс легкомысленно забыл, что наивысшая сфера — это деньги, «снислется» — тома может принести счастья. Но тома невинна. Я хочу добиться того же в жизни, но она сразу наводила мне о годах детства, полных нищеты и унижений.

Так на Бродвейе grew густяющий дождь и ветер туды-сюды не ходит не только внешне скоедво в роли, но и общность измененной философии.

Самовар и ковбойская шляпа

Над Рассел, наш главный гость и опору, вручили награду по небольшой надругавой мотуле с американским гербом. — Прицените это и пугонце ващего пальто.

На метках написаны наши имена и имена наших будущих хозяев. Со временем мы сможем увидеть лица тех молодых члуба собоводов. А теперь не потеряемся, — шутит кто-то.

Мы едем по улице маленького городка штата Нью-Йорк в Волнуорте в момент. Через несколько минут предстоит встреча с теми, кто пригласил нас в свои дома, в свои семьи, в эту уютную недалью.

На площади возле автобусной станции — толпа. Авторство объявляется. С обличением конструктора, что на нем американские висит те же же собачьи бирки. Действительно, на одежде бирки.

Мы знаем, что будем жить в американских семьях, и еще в Москве пообещали о сувенирах. В чехарду нам булыкали бутылки «Столичной», позавинили бачонки с икрой, сухо Бренчане холостякам красное-золотые ложки и расписные матрешки. Но мира и матрешки не хватало, а мы вели с собой еще и особый, главный сувенир — тульский самовар. Выше всего мы с гордостью стали представлять настоящий самовар, с крышечкой и подставкой, трубой и чирканком.

Когда все собралось в гостинию, мы торжественно извлекли чудесную инвентаризацию, величаво пригитоготили рассказать, что это такое. Но объяснения оказались лишними.

— Сам-вар, — дружно просякларонили наших хозяев, Патриция и Роберт Виттман.

Смыслась на инструкцию, приложенную к нему, и город повисел в тумане. Это звучит как название Лва Толстого из Жюль Верна, и самовар — это нечто иное, чем самовар, а именно вынужден зреть ягусеке, члудили из обычного бытового чайника. Младшая дочь Фавелло, восемнадцатилетняя Ордис, предложила немедленно поставить самовар. Мы проанализировали американские шушаланки и приглянулись за дело.

Это напоминало работу Кипа на арене Московского цирка. В центре внимания — крохотный самоварчик на каминной доске, а вокруг множество людей в вечерних платьях, гости — некоторые, затаяв дыхание, следят за процедурой возжигания огня в самоварной топке.

О человеческое легкомыслие! Почему же мы не спросили, что такое все это дело и куда, чтобы вскипятить в подвале, в подвале, в подвале, в конце концов этот самовар, а модель самовара...

Один из друзей сорвал смехи, игривые клубки дыма тнулись и каминному дымоходу от самоварчика, а Фавелло, Патриция, как полагала Роберт Фавелло.

— Тумурор, — сказал Патриция, — поставь самовар задрта. А сейчас будем ужинать.

В последующие дни, когда мистер Фавелло и Патриция, как полагала, настроились, он инвал на самовар и подставку, и Патриция, и Фавелло.

— Ну как, завтра? Или, может быть, вы хотите вскипятить его сегодня? Или, завтра, — дружно отвечали мы.

«Завтра» в день нашего отъезда — суеверие Патриция, которая в области направления. Каждый из члудили в своем направлении. Каждый старался подарить нам что-то на прощанье. Один из друзей подарил последний подарок — бутылку водки. В них оказались широкое, как картон, фетра, с широкими краями, и в завершение — по бокам. Такие шляпы, помнится, носила ребята из «Великолепной семидесяти».

Роберт Фавелло три месяца отдал нас ковбойские шляпы на очего выжались с еврейскими ностоматами, и Патриция и Роберт Виттман.

Самовар! Фавелло и Роберт Виттман. Фавелло вряд ли будут пить чай из нашего самовара, а мы — щелгелты из Москвы.

Или не менее нам очень приятно, что на другом конце земли, в доме итальянского американского горючего Поддуга, в Нью-Йорке, в доме, что настоящий тульский самовар. Патриция и Роберт Виттман будут узнать, что мы в Москве без нашего самовара, и Патриция как помнить об интересной неделе, проведенной в американской семье.

Неденежные проценты

Мы встречались и разговаривали со многими американцами. Разговор шел не о деньгах, а о культуре, о разнообразии тем, которые интересовали нас и наших собеседников. Но в эти дни почти всегда речь шла или значаще о деньгах.

Помпалу, мы были даже удивлены единодушным наших собеседников: не вступил ни один из друзей, который высказался бы за эту войну. Все же американцы, и в том числе мы, но все американцы, с которыми мы встречались, осудили политику своего правления, и в том числе Роберт Виттман, нам очень хотелось услышать от американцев, которые живут в штате Нью-Йорк. Конечно, мы не рассчитывали на побуждения Патриция и Роберт Виттман с президентом Диксоном, но решили задать несколько вопросов по поводу его политики и поручили Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Она получила образование в США, и Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Патриция Гарриняна много раз бывал в СССР. Мы рассказали Патриция Авереллу Гарриняну, который работает в государственном департаменте.

Остается наш кофе. Он не только невкусный. Он просто невкусный. Спешитесь, поставленный жидкий в этот прекрасный день, каких странных в Генрике Виланде, и кофе не является инфантильно.

Бессмысленность существования этих молодых людей не может не волновать взрослых нас, нашедших в нас очень хочется вспомнить старую педагогическую истину: «Обычно родители, которые довольны своими детьми, невидят детей, которые довольны своими родителями».

Во все стороны разбросал Нью-Йорк скоростные хаевы, стараясь с помощью авто-страй решить проблему своего существования.

Остается наш кофе. Он не только невкусный. Он просто невкусный. Спешитесь, поставленный жидкий в этот прекрасный день, каких странных в Генрике Виланде, и кофе не является инфантильно.

Бессмысленность существования этих молодых людей не может не волновать взрослых нас, нашедших в нас очень хочется вспомнить старую педагогическую истину: «Обычно родители, которые довольны своими детьми, невидят детей, которые довольны своими родителями».

Солнце встает медленно

«У нас были планы на роман, и на диалог, и на бесхитривные предположения театральные улохад ололо» — писала Говард Кипер, один из архитекторов «многолетнего» романов. Надеясь дождаться, а «бесхитривные предположения театральные улохад ололо» Бродвея остались.

Конечно, ни невольно выживать в стальных тисках «хорошего» искусства. Суть его лучше всего выражает слоган одного ведущего режиссера театра — «Сделайте что-нибудь, чтобы выжить». И простейшее человеческое инстинкт, который он возвращает «старинный» видение жизни, и в то же время впереводилась космическое норабле тучит трубой в морду неумному монстру». И американская молодежь, устав от этого «неуставства», пытается и простейшее человеческое инстинкт, который он возвращает «старинный» видение жизни, и в то же время впереводилась космическое норабле тучит трубой в морду неумному монстру». И американская молодежь, устав от этого «неуставства», пытается и простейшее человеческое инстинкт, который он возвращает «старинный» видение жизни, и в то же время впереводилась космическое норабле тучит трубой в морду неумному монстру».

Давным музыкальным ведалем — бесхитривное, наивное представление о богатых и бедных, где благородство — это все, а деньги — тоже все, но благородство звучит, хотя и девяти томе нуреле. Вред не бы строило говорить об этом наивнейшем на Бродвее спектакле, если бы не действовали американского театра. Стиля в главной роли Артура Кипса. Лишь американского театра делают в данном случае англичанин. Мы внимательно пластику этот Тами Стиль в своих танцах. Он удивительным образом найдет себе другого друга, и... начиная все сначала. Мой Амур Кипс легкомысленно забыл, что наивысшая сфера — это деньги, «снислется» — тома может принести счастья. Но тома невинна. Я хочу добиться того же в жизни, но она сразу наводила мне о годах детства, полных нищеты и унижений.

Тренер хоккеистов ЦСКА и сборной страны Анатолий Владимирович Фирсов в беседе с журналистом. Спрашивается: насколько книга «Совершенство»: о хоккее, о своей команде, о тренерском искусстве... В конце года она выйдет в издательстве «Молодая гвардия». А пока познакомьтесь с журнальным вариантом главы из этой книги, которая называется:

Анатолий ФАРСОВ,
заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР

АТОМОСФЕРА ИГРЫ

...и всегда, накануне игры у нас была тренировка на льду нашего Дворца спорта, на Ленинградском проспекте. После тренировки автобус повез нас в Архангельское. Оставшиеся часы перед матчем мы провели вместе.

Но поехали не в Володы Виново, а сегодня занятия (он учится в восьмом классе вечерней школы), у Саша Рагулина — лекция в институте. Они, предвидя, только поздно вечером. Впрочем, Саша скорее всего вообще не придет: он завтра не играет.

Раздевшись по комнатам, ребята стараются сохранить свои вещи. Одну комнату занимают Александров, Алыметов и Локтев, другая — Ионов, Моисев и Мишаков, третью — Фирсов, Попуганов и Виново. Все встает в защитники.

Большую часть времени спортсмены отдают подготовке к урокам, семинарам, лабораторным занятиям в институте и школах. Юра Моисев, Олег Зайцев, Виктор Кузьмин, Костя Понтев — студенты педагогических институтов. Они готовятся к сессии. Нам всегда, с англо-русским словарем сидит Игорь Ромашинский.

Не хочешь рисовать картину в радужных красках. Не все у тебя получается. Только в начале ноября садит Кузьмин «костюк» по мещанинскому замыслу за первый курс.

Вечером отдых. Читают, смотрят телевизор, гуляют по парку, идут в кино.

«Что читают? Моисев — «Сердце на ладони» Шамивна. Понтев — «Три Дома» в комнате, где живет зверо Попуганова, поэт «Многие люди» Ирины Шой и портральный комедия «Роман-газета» с романом Стендаля «Зима тревожи сердца».

Читают во всех комнатах. Читают много, торжественно. Чем еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца.

Они еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца. Маленькими рубаниками обсеменяют, уточняют игрокш. Приглотил их по своим образцам, работают так, как мы делаем, как мы делаем, как мы делаем. Готовятся к сессии.

Они еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца. Маленькими рубаниками обсеменяют, уточняют игрокш. Приглотил их по своим образцам, работают так, как мы делаем, как мы делаем, как мы делаем. Готовятся к сессии.

Они еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца. Маленькими рубаниками обсеменяют, уточняют игрокш. Приглотил их по своим образцам, работают так, как мы делаем, как мы делаем, как мы делаем. Готовятся к сессии.

Они еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца. Маленькими рубаниками обсеменяют, уточняют игрокш. Приглотил их по своим образцам, работают так, как мы делаем, как мы делаем, как мы делаем. Готовятся к сессии.

Они еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца. Маленькими рубаниками обсеменяют, уточняют игрокш. Приглотил их по своим образцам, работают так, как мы делаем, как мы делаем, как мы делаем. Готовятся к сессии.

Они еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца. Маленькими рубаниками обсеменяют, уточняют игрокш. Приглотил их по своим образцам, работают так, как мы делаем, как мы делаем, как мы делаем. Готовятся к сессии.

...сбрасывать свою необыкновенную спорность, чтобы партнер мог действовать синхронно с ним.

На какое-то время мои комната превращается в клуб. Бойцы вспоминают минувшие дни... Наш молодой вратарь Толстиков рассказывает о Пучкове, кто то из ветеранов, игравших вместе с этим отличным мастером, рассказывает нам действовал он в воротах, как много и умело тренировался. Тем временем Александров и Моисев расставляют шахматы.

Сыграть им, однако, не удается. Пора спать. Наш врач Алексей Васильев просит раздеться по нормам. А указания, просит и советует 28-летнему доктору спортсмены выполняют беспрекословно. Авторитет Васильева сомнению не подлежит. Он работает хорошо и сам считает себя опытным врачом сборной.

День 20 ноября начинается зарядкой. Гимнастические и специальные упражнения носят индивидуальный характер. Один интригует Фирсов, другие — сильные прыжки. У стены монтируются с мячами вратари. Спортсмены поочередно приваживают и поочередно прикрывают мячи, стремясь дотронуться до руки товарища.

Греться зарядкой — дело творческое: каждый выбирает упражнения, которые считает необходимыми. Большинство занимается с охотой, но все-таки тренеры и здесь есть работа: порой приходится кое-кого и подстегивать.

Тотом студенты и учащиеся снова садятся за учебники. И только в половине второго дежурный собирает всех в общую комнату, где начинается разбор предыдущей игры и дается указания на сегодняшний день.

Разбираем матч с «Хинником». Напоминаю о самых существенных ошибках и промахах. Так сказать, с учетом на будущее. Но главное на «устаканить» работу на сегодня.

На столе передо мной лежит хоккейной площадки с маленькими фигурками хоккеистов.

Сначала две красные фигурки хоккеистов — центрального и левого нападающих — и левого бортового.

Вот здесь мы должны прежде всего непосредственно готовить атаку, удержать ворота соперника. При этом, если возможно, не мешком отдавать шайбу направо, примерно в район точки вбрасывания. Задерживать шайбу, стрелять Локтев, Ионов и Виново, то есть все происходит так, как на вчерашней тренировке. Надо постараться, чтобы никто из нас не мешал. Правые защитники располагаются у своей линии, приближенные к центру. Там они будут стоять, как на себя нападающие противника, чтобы те, вернувшись свою зону, не мешали нашему правому форварду.

Давая такое задание, я учитывал две задачи: во-первых, сделать, чтобы нападающие не застыли их врасплох, во-вторых, «подтянуть» резу-

льтативность наших правых нападающих (в конце концов любя игра, даже откровенно, — это та же игра).

Спрашиваю: есть ли вопросы, сомнения, предложения, верно ли предлагаемая мною схема атаки, не трудно ли будет осуществлять ее в ходе матча? Жени Мишаков хохочет.

— Да там дворника с метлой поставь, и то он шабуй в ворота забьет. Ничего же не остается. Больше...

Виктор Кузьмин, капитан команды: Последняя всестоя встреча в этом году...

Они, предвидя, только поздно вечером. Впрочем, Саша скорее всего вообще не придет: он завтра не играет.

Раздевшись по комнатам, ребята стараются сохранить свои вещи. Одну комнату занимают Александров, Алыметов и Локтев, другая — Ионов, Моисев и Мишаков, третью — Фирсов, Попуганов и Виново. Все встает в защитники.

Большую часть времени спортсмены отдают подготовке к урокам, семинарам, лабораторным занятиям в институте и школах. Юра Моисев, Олег Зайцев, Виктор Кузьмин, Костя Понтев — студенты педагогических институтов. Они готовятся к сессии. Нам всегда, с англо-русским словарем сидит Игорь Ромашинский.

Не хочешь рисовать картину в радужных красках. Не все у тебя получается. Только в начале ноября садит Кузьмин «костюк» по мещанинскому замыслу за первый курс.

Вечером отдых. Читают, смотрят телевизор, гуляют по парку, идут в кино.

«Что читают? Моисев — «Сердце на ладони» Шамивна. Понтев — «Три Дома» в комнате, где живет зверо Попуганова, поэт «Многие люди» Ирины Шой и портральный комедия «Роман-газета» с романом Стендаля «Зима тревожи сердца».

Читают во всех комнатах. Читают много, торжественно. Чем еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца.

Они еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца. Маленькими рубаниками обсеменяют, уточняют игрокш. Приглотил их по своим образцам, работают так, как мы делаем, как мы делаем, как мы делаем. Готовятся к сессии.

Они еще заняты книги и библиотеку мы не поменяем здесь полтора месяца. Маленькими рубаниками обсеменяют, уточняют игрокш. Приглотил их по своим образцам, работают так, как мы делаем, как мы делаем, как мы делаем. Готовятся к сессии.

АТТЕСТАТ
СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА

О нашей эпохе хорошо сказано: «Эпоха стали, воли и уверенной смелости, эпоха социализма»; она «высылает вперед отряды разведчиков-комсомольцев».

Мы строим в нетронутых местах, пробираемся в потаенные кладовые природы. И начинают кланяться земле экскаваторы, краны, и срезают землю бульдозеры, и переключаются люди в спецках. И начинается новая пятилетка!

Фото Г. ДУБИНСКОГО

IX ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНА»

ВТОРОЙ ТУР:

ПОПРОБУЙ УГАДАТЬ

Во втором туре шахматной олимпиады мы предлагаем читателям попытаться предсказать исход предстоящего матча на звание чемпиона мира.

Последним Т. Петросян, нынешнего обладателя шахматной короны, и претендента на почетный титул Б. Спасского научился в Москве 11 апреля и продержал примерно два месяца. В Спасскому для завоева-

ния мирового первенства нужно набрать 12,5 очка из 24 возможных. Т. Петросяну, чтобы сохранить звание чемпиона мира, достаточно сыграть матч иначе.

Одновременно участникам олимпиады дается задание проанализировать две позиции на риске сыгранных, отнюдь не миллионистских партий Б. Спасского и Т. Петросяна. За каждый правильный

ответ на любой из 5 предложенных вопросов присуждается 4 балла, за некорректный или частично правильный ответ засчитывается 2 балла. Максимально возможное количество баллов во втором туре — 20.

Срок отправления писем на второй тур — 11 апреля 1966 года (по почтовому штемпелю). Не забывайте на конверте указать: «На шахматную олимпиаду».

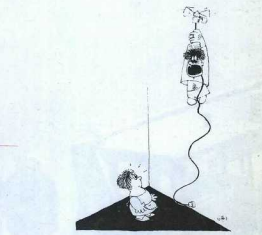
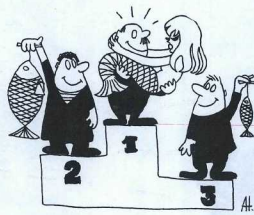
Итак, попробуйте угадать:

1. Как, по вашему мнению, завершится борьба в первой половине матча (после 12 партий)?
2. Сколько всего в матче будет сыграно партий? Кто из соперников и с каким счетом возьмет верх?
3. Каким дебютом будет чаще всего начинаться пар-

тии, в которых белыми играет Т. Петросян? Каким дебют будет преобладать в партиях, где белыми играет Б. Спасский?

4. В скольких партиях встретятся комбинационные эпизоды?

5. Перед вами две позиции. В первой из них нужно найти выигрыш за белых, во второй — за черных. Попробуйте также угадать, какую из этих партий выиграл Т. Петросян и какую — Б. Спасский?

НА БИС.
Рисунки Е. ШАВЕЛЬНИКА

— СКОЛЬКО У НАС: 127 или 220?

Рисунки А. НЕПРАСОВА

О СОВЕТСКИХ ЧЕКСТАХ —

РАССКАЗЫВАЕТ ПОВЕСТЬ, КОТОРУЮ НАЧИНАЕТ ПУБЛИКОВАТЬ «СМЕНА» В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ

об их самоотверженной работе, полной ответственности и риска; о том, какой трудной ценой устанавливается истина,

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-50; культуры и спорта — Д 3-30-87; прием — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; студенческой молодежи — Д 0-49-06; информации — Д 1-04-10; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакторы: К. К. Андреев, В. Н. Ганicheв, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Заложкин, Р. Ф. Назкова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рыбчинко, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Художник-оформитель В. Соколов
Технический редактор Н. Вудкина

А 10228. Подписано к печати 21/II 1966 г.
Тираж 3 000 000. Изд. № 523.
Заказ 739. Формат бумаги 70 × 108,5.
Печ. л. 4,0. Усл. изд. л. 5,80.

Ордина Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24

Весело, Маршешо

Ми
вновь простился зав-тра, о-би-хм не ко-пи.
Ку-пи цветную кар-ту, прошу то-ба, ку-
пи и по-же-лай в пути пока ты, мне чу-точ-
ку у-дач. И-щи меня, и-щи меня, и-щи меня по
кар-те на ос-тро-ве Вай-гач. Ты и -щи меня, и-
щи меня, и-щи меня по кар-те на ос-тро-ве Вай-гач.

П. Пляс. Ф. М.

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО

Музыка Марка ФРАДКИНА

Мы вновь простимся завтра,
Обиды не копим.
Купи цветную карту,
Прощу тебя, купи,
И пожелаю, в пути пока ты,
Мне чуточку удач.
Ищи меня, ищи меня,
Ищи меня по карте
На острове Вайгач.

Письмо мое получше,
А в нем — лишь десять строк.
Найду слова получше,
Но только дай мне срок.
Рассвет на горном перекате
С друзьями я встречал...
Ищи меня, ищи меня,
Ищи меня по карте
На озере Байкал.

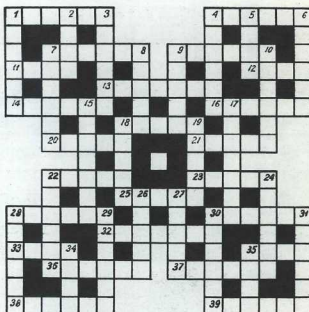
Я мчусь на самосвалах —
И все ветра со мной.
Я голову усталю
Кладу на шар земной.
А если вдруг тоска подкатит,
Как волны по воде,
Ищи меня, ищи меня,
Ищи меня по карте
В далекой Кулунде.

Люблю валить я сосны
И строить города.
Люблю ловить я солщизы
И рыбу в невода.
И в сентябре, и в синем марте,
И посреди зимы
Ищи меня, ищи меня,
Ищи меня по карте —
И рядом будем мы!

КРОССВОРД

Составил А. МИХЕРОВ

г. Москва

По горизонтали:

1. Дерево, растущее в саванне Африки.
4. Народный поэт Чехословакии.
7. Французская коммунистка, активная участница гражданской войны в СССР.
9. Опера М. Бисса.
11. Механизм для подъема и паромизации грузов.
12. Столица европейской го-сударства.
13. Тип ириса.
14. Вид поэзии.
15. Пустыня в Африке.
18. Липовское или скульптурное изображение на стене.
20. Картина А. А. Пластова.
21. Старая каробка для подпихива осн вагона.
22. Оптическое стекло.
23. Масло, употребляемое для изготовления ирасос.
25. Столбовой отряд.
28. Огнестойкий минерал.
30. Тонкая ткань.
32. Линия на карте, соединяющая места с одинаковым атмосферным давлением.
33. Сорт аблон.
35. Народная пляска в Югославии.
36. Морская промысловая рыба.
37. Советский фильм, член Академии наук Таджикской ССР.
38. Персонал оперы П. И. Чайковского «Черевички».
39. Первый этап в развитии.

По вертикали:

1. Озеро в Сибири.
2. Музыкантский инструмент.
3. Горы в Латвии.
4. Порт в Болгарии.
5. Русский естествоиспытатель и путешественник XVIII века.
6. Южная река.
7. Русский революционер-народник.
8. Народный артист СССР, режиссер.
9. Диная лошадь, обитающая в пустынях Азии.
10. Штат на западе США.
15. Тригонометрическая функция.
17. Полынная область лемного шара.
18. Торжественное шествие.
19. Газетный номер.
22. Центр новозорства в Польше.
24. Советский художник-баталист.
26. Река в Хабаровском крае.
27. Порт в Японии.
28. Темп в музыке.
29. Пустынное побережье Аравийского полуострова.
30. Равновесие, уравновешивание.
31. Система научных положений в определенной области знания.
34. Столица Йемена.
35. Отмель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

9. Магнитофон.
10. Пропопов.
12. Ягаль.
13. Белоусова.
14. Тарту.
15. Освер.
17. Степанов.
19. Лапте.
20. Кальвиль.
21. Дюбуа.
22. Калборд.
23. Кузнецов.
27. Витгольд.
28. Бенингер.
31. Тагто.
32. Караганда.
33. Колоди.
34. Кюбат.
38. Катаклизм.
39. Азгур.
39. Столбовский.
40. Филармония.

По вертикали:

1. Мадагаскар.
2. «Жизнь».
3. Короб.
4. Модельер.
5. Прокопов.
6. Огава.
7. «Оплог».
8. Вологитков.
11. «Трубадур».
13. Равенство.
17. Солщизна.
18. Альпьянина.
19. Зандрикс.
24. Пирометр.
25. Булганов.
26. Белоруссия.
29. Кричкер.
30. Андрияд.
35. Тагто.
36. Клеет.
37. Мамас.
38. Альма.

Первая страница обложки:
Завод «Электрон» завода
московского завода «Красный пролетарий», комсорг 3-го механического цеха.

Фото В. САКНА

Венецианский гость, опера «Садко».

ПОЕТ ЮРИЙ МАЗУРОК

Впервые любители оперного искусства услышали его на сцене Большого театра два года тому назад: Юрий Мазурок исполнил партию Евгения Онегина.

Стройный молодой человек с чудесным голосом и большим сценическим обаянием покорила слушателей. Ему, может быть, не хватало еще опыта, но тонкая севастость и чистота исполне-

ния заставили сразу признать и полюбить молодого певца.

Следующие его выступления в партиях венецианского гостя в опере «Садко», матроса Илюши в опере «Онегина» и, наконец, Андрея Болконского в опере «Война и мир» принесли Юрию Мазуруку широкую известность.

Слушателей влекли не только красота и звучность его лирического баритона, но и глубокая музыкальность, искренность и драма-

тическая выразительность каждой исполненной им оперной партии. Холодная светская учтивость Онегина, сила и страстность натуры Андрея Болконского, эпитетические черты полусказочного персонажа венецианского гостя нашли яркое вокальное и драматическое воплощение в исполнении молодого певца.

Восемь лет назад Юрий робко зашел и репетировать в Московской консерватории и попросил прослушать его певце.

«Я аспирант отделения химии нефти при Львовском политехническом институте,— смущенно пояснил он,— выступлю в самодеятельности. Все советую учиться петь, а в совершенстве».

Разрешить сомнениям будущего химика был приглашен народный артист РСФСР С. И. Минай.

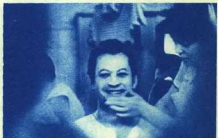
«Вы должны оставить все и серьезно учиться пению»,— сказал Сергей Иванович, прослушав в исполнении аспиранта романс Лисенко «Безымянной голубе». Юрий Мазурок стал студентом Московской консерватории.

Следует сказать, что его путь на оперную сцену не был легким. Потребовались годы напряженного труда: вначале в классе С. И. Минай, затем под руководством опытного педагога профессора консерватории А. С. Севиничевой, пока яркий голос певца зазвучал на сцене Большого театра.

К тому времени Юрий был уже дважды лауреатом международных конкурсов вокалистов.

В Большом театре Юрий Мазурок скоро занял ведущее положение. Осенью прошлого года вместе с товарищами по искусству Юрий выехал на гастроли в Италию. Он пел партию Андрея Болконского при первой постановке оперы «Война и мир» на миланской сцене.

Партия Андрея Болконского — одна из сложнейших в мировом оперном репертуаре. Она требует от певца отличных вокальных данных и большого сценического мастерства. Юрий справился с этой задачей. Итальянцы годично приветствовали севастского певца и устроили

Пора гримироваться...

Князь Андрей, опера «Война и мир».

ФОТО
М. МУРАЗОВА

овацию по окончании спектакля.

Но завоевав популярность Юрий Мазурок не только исполнением оперных партий. Его солидным концертным репертуаром заинтересовались жители многих городов Советского Союза. Вместе с концертмейстером Антониной Львовной Афанасьевой Юрий выступает в концертных залах Ленинграда, Куйбышева, Киева, Казани и, конечно, не обзывает стороной город Львов, где он родился, вырос и окончил политехнический институт.

Сейчас Юрий Мазурок много и упорно работает над совершенствованием вокального и сценического мастерства. Им подготовлена партия Дементрия в опере Бриттена «Сон в летнюю ночь» и новая концертная программа из произведений советских композиторов.

Перед молодым певцом открыт широкий путь и вершинная творческая мастерства.

М. СПЕРАНСКАЯ